

Томск в 1890 году. или Два метеора

В.М. Костин

1. Общие сведения.

За Уральскими горами,
За дремучими лесами,
Во владеньях Ермака,
Протекает Томь-река.
По ней ходят пароходы,
Ездят разные народы
Из России: эмигранты,
Аферисты, арестанты,

Адвокаты и актеры,
Феи милые и воры.
Город Томск - преблагодушный!
Всем привет дает радушный.
И нахлынувший народ
Тотчас дело обретет.
Кому ж дело не найдется,
Тот за фокусы берется...

Так начинается патриотически-сатирическая поэма неизвестного автора, опубликованная 25 марта в газете «Сибирский вестник». До приезда Чехова – неполные два месяца...

В 1890 году Томск - центр громадной губернии, включающей в себя территории современных Томской, Новосибирской, Кемеровской областей, Алтайского края и республики Горный Алтай, северо-восточной части Казахстана. По официальным данным в городе проживает 42 тысячи человек. Фактически же к этой цифре нужно прибавить еще тысячи три. Речь идет о формальных горожанах Каинска, Тобольска, Барнаула и др. городов, которые пребывают в Томске много лет, постоянно, обзаведясь здесь делом и недвижимостью

В подавляющей массе томичи – это русские (православные, в том числе староверы, до трех тысяч), затем татары (мусульмане, до четырех тысяч, сосредоточенные в Заисточье, тесно связанные с татарскими селами за Томью, начиная с Черной речки) и евреи (иудаизм, до трех тысяч, включая огромный десант из Каинска - «Сибирского Иерусалима»). Есть польская община (католики, в две сотни человек). Среди чиновников, прежде всего губернских, и военных немало немцев, впрочем, большая часть их пишется русскими и православными. Народное же прозвание томичей - «муksунники».

Чиновники начальственного состава (губернская администрация, суд), как правило, присылаются из России и, как правило, при первой возможности уезжают обратно, оставляя вакантные места, которые заполняются весьма неспешно. Жить в Сибири трудно, сложно. Вот и в Томской епархии из года в год есть десятки вакансий для священников и дьяконов.

Потомки пионеров-первопоселенцев края в основном живут в старых селах и деревнях, в Томске осталось несколько десятков семей, обосновавшихся на Песках и в Заозерье. Зато много осело и оседает из числа ссыльных, с криминальным прошлым и настоящим, среди них, на «мещанском» уровне, встречаются «нелегалы». Ссыльными бывают дворяне русские и кавказские (напр., некто Грацианов, некто Георгий Татишвили), иные из них начинают в Томске новую, достойную жизнь. Яркий пример – князь Всеволод Долгоруков, бывший «червонный валет», обретший в Томске заслуженное уважение. Демографическое пополнение города связано и с развернувшимся переселенческим движением: хотя переселенцы приезжают в губернию за крестьянским счастьем, какая-то, пусть мизерная их часть, в итоге обосновывается в Томске.

Все эти люди вливаются в ряды ремесленников, извозчиков, сервисной obsługi и - существенно - люмпен-пролетариата. Конечно, двухсотлетняя практика ссылки, как мы увидим, накладывает определенный отпечаток на городские нравы.

Границы города: на севере – широтная линия, проходящая через пересыльную тюрьму, не доходя сотен метров до будущей ветки железной дороги. Черемошинская пристань – уже за городом; на востоке – невидимая черта, чуть не добравшаяся до нынешнего «Парижа»; на северо-востоке город обрывается за Новой деревней, дальше – Хромовская заимка; на юге - Нижняя Елань (Лагерный сад уже «загород»); на западе город ограничен Томью. Районы

города – Воскресенская гора, Заозерье, Пески, Уржатка, Юрточная гора, Верхняя Елань, Нижняя Елань, Преображенская слобода, Заисток, Болото, Мухин бугор, Солдатская слободка, Новая деревня...

И за пределами города, по его периметру – Степановка, Заварзино, Воронино, Б. и М. Протопопово, Семилужки, Белобородово, Проскоково, Черная речка и заимки.

Город архитектурно не богат (он «ждет» Лыгина), преимущественно – деревянный, мощеных улиц в нём практически нет. Связь с внешним миром осуществляется по Московско-Иркутскому тракту (конные обозы) и, в летний период, пароходами по речным артериям Обского бассейна. Для развития края и, соответственно, города этого транспортного потенциала уже очевидно недостаточно.

Основу городского богатства обеспечивает извоз - транзит товаров в оба, западное и в меньшей степени восточное, направления. Существенный вклад в кошелек Томска вносила золотопромышленность. Местная промышленность развита ограниченно и работает на неширокий местный рынок (кирпичные заводы, спичечные фабрики, свечной завод, винокурни и т.д.). Прогрессивные инициативы глосуют. В 1890 г., например, коммерсанты Файвишевич и Альперович попытались открыть рыбо-консервное заведение, производя высококачественную продукцию, но дело заглохло за необеспеченностью спроса.

Губернией правит царь в лице назначаемых им начальников. Обременённые заботами огромного края, они редко вмешиваются в жизнь города, выполняя протокольные функции и внося лишь самые необходимые коррективы в томские процессы. В начале года мы еще застаем в «начальниках» губернии А.П. Булюбаша – он болен горловой чахоткой и уезжает на лечение – и вскоре умирает. Действительный статский советник А.П. Булюбаш, участник Крымской войны, имел репутацию порядочного, но инертного руководителя. До приезда в начале июля нового назначенца, д.с.с. Г.А.Тобизена, делами распоряжался д.с.с. Котюхов. Тобизен, человек сравнительно молодой (р. в 1845 г.), но карьерно устремленный, возродит в Томске Общество спасения на водах и проведет в Томске телефонную связь (С января 1891 г. «Абонементная плата» будет немислимой – 100 рублей в год!).

Городом, с оговорками, правит томское купечество, уже частью наследственное, богатое (Королевы, Кухтерины, Михайлов, Валгусов, Смирнов, Второв, Вытнов и др. Еще свеж «след» недавно скончавшегося З.Г. Цибульского. Здесь мы ссылаемся на исследования В.П. Бойко). В этом, соображаясь с эпохой, мы увидим свои достоинства и свои недостатки. До октября 1890 г. «курульное кресло» Томской городской думы будет занимать Евграф Королев, с ноября – Петр Михайлов – две очень яркие фигуры! Забегая вперед, заметим, что городское хозяйство в «чеховском году» обнаружит явную тенденцию к стагнации, потому что томский бюджет, застывший на десять лет, нынче даже сократится, чему причиной не только сами люди, не только исчерпанность ресурсов, но и Божья воля.

В Томске обитает великое множество бедных и нищих, неукоренённых людей. Можно уверенно сказать, что уже средней руки чиновник не имел средств достаточного существования, считал каждую копейку, и покупка одежды была для него житейским подвигом. Изнуренные жизнью чиновники или учителя, с их «куръезной» зарплатой, рано умирали, и лейтмотивом их некрологов была стандартная фраза: «оставил вдову и детей без всяких средств к существованию».

Если же говорить о том, чем в российском масштабе прославился Томск в 1890 году, выделим следующее:

1. В Томске (15-21 мая) побывал А.П. Чехов, напечатав, по свежим впечатлениям, свои письма «Из Сибири», где дал Томску и томичам достаточно нелюбезную оценку. Перепечатка в «Сибирском вестнике» «томского» фрагмента этих очерков вызвала широкий резонанс, сами томичи, соглашаясь и негодуя, активно откликнулись на этот текст в прозе, стихах, натрево и даже выпивши.

2-3. В самом начале ноября два томича были удостоены почестей на Казанской научно-промышленной выставке. Томский купец Василий Вытнов, гласный думы, получил серебряную медаль «за прекрасную выделку столового вина и наливок», а 67-летний Павел Кошаров,

художник и педагог - «высшую почетную награду за художественно-этнографические рисунки Сибири» (масло и акварель).

4. «Сибирский вестник» не без гордости сообщил, что его заметки о Тверской улице с её «классической грязью», в которой тонули люди и даже лошади, перепечатаны рядом столичных газет. Знай наших!

Быльем поросло

Все рекламные рекорды года побил следующее объявление («Сибирский вестник», не реже раза в неделю).

В р а ч

Петр Иванович Бенедиктович

Принимает больных с венерическими и женскими болезнями, а также лечит электричеством от мужского бессилия и пороков молодости (онанизм).

Адрес: Конный переулочек, дом бывший Никитина.

2. Уровень жизни, приходы и расходы

11 ноября в «Сибирском вестнике» (единственной частной газете в Томске, одной из четырех за Уралом) был напечатан «фельетон» Г. Язвина (т.е. В.П. Картамышева, редактора ее). Он пишет: «Выражение, что «Сибирь – золотое дно», давно отжило свой век и подлежит сдаче в архив <...> Жить в Томске далеко не дешево, и за деньги, за которые в ином городе Европейской России вы получите все, что вам нужно <...>, здесь вы приобретете очень мало или почти ничего». Да, мясо здесь дешевле, но значительно хуже. «В Москве и даже в Петербурге вы можете иметь, хотя и не в центральной части города, довольно приличную квартиру за 480-600 р. в год. Там и вода, и газ, и «теплые принадлежности». А здесь, платя 400-500 р., всего этого нет, а нанимай еще водовоза и пей какую-то муть. Квартиры холодные, зимой требуют массу дров, и все равно сидим в шубах и пимных галошах. Одежда, обувь, белье - все это у нас значительно дороже, чем в столицах. За дюжину самых невзыскательных мужских сорочек <...> приходится заплатить в магазине от 18 до 24 р. (В Москве они стоят 12-15 р.). Тем более, что нам достается «заваль», «брак».

И дешевых кухмистерских здесь нет...

И платят здесь меньше, чем в России. Так, советники губернских правлений получают у нас 900 р., а в России – 1500 р. Советник губернского суда получает 1200 р. Как прожить с семьей, еще и снимая квартиру? <...> Частный труд тоже мало обеспечен. Работа оплачивается едва ли не вполовину меньше...

Недавно один из здешних чиновников перешел на службу в Вятскую губернию <...> Сообщает, что живет в Вятке в гостинице и платит за две довольно хорошие комнаты с прихожей и со столом 25 р. в месяц; а у нас в Томске, например, за небольшую комнату, скудно обставленную, в «Сибирском подворье» надо заплатить ту же сумму, но без стола. И жизнь в Томске дорожает...».

Добавим только, что в Томске всегда наблюдался острый дефицит жилья, квартир, резко усугубившийся после наводнения.

Теперь, оставляя в стороне прибыли кабатчиков и содержателей публичных домов, обратимся к заработкам томских обывателей, а затем соотнесем их с ценами.

Приказчики, продавцы получали в месяц от 5 до 25 рублей, извозчики, в чистом доходе, от 20 до 50 р., кузнецы – от 25 до 40, портные – от 20 до 50.

Работы не хватало. Благом для тысяч томичей было лето, когда проходил ремонт квартир. На мосту, близ книжного магазина Макушина, с трех утра собиралась толпа, в том числе и женщины. Подёнка мужчин – 60-80 к., женщин – 30-40, редко 45 к. Сенокос в пригороде: косарь – 90 к., гребец – 40-45 к. Три раза чай с булкой, хлеб вволю, два раза горячее с полуфунтом мяса.

Хорошими считались заработки на далеком Обь-Енисейском канале, в «командировке». Там расценки были «далеко выше городского». Перворучные плотники получали 1 р., тачечники – 70 к., потажные – 60-65 к., малолетки - до 40 к.

Рабочие на Черемошинской пристани получали 70 к.- 1 р. и считались избранными пролетариями.

Квартиры (отдельные комнаты, «флигеля», засыпушки) для простонародья стоили и 10, и 5, и даже 3 рубля в месяц.

Но взглядемся в цены 1890 г.: они уже не покажутся нам низкими и такими уж доступными. Большое, впрочем, их достоинство заключалось в том, что на продукты питания они «стояли». Зимние цены начала года и конца года практически одинаковы. Но и тут были свои драмы.

Мука ржаная за пуд - 43-45 к.
Мука пшеничная за пуд – 55-75 к.
Овес за пуд - 28-30 к.
Гречка за пуд - 70 к.
Манка за пуд - 2 р.
Мед за пуд - 6 р.
Картофель – 10-15 к. за мешок
Морковь - 15-20 к. за мешок
Молоко свежее - 9 – 10 к. за крынку
Лук – 25 – 40 к. сотня
Табак листовой за пуд - 1р.80к. – 2 р.
Сахар пиленый за пуд - 6 р. 60 к.
Чай фамильный- 110-200 р. за цибик- пуд
Чай кирпичный - 54- 55 р. за цибик-пуд

Керосин - 2 р. 40 к. за пуд

Мясо говядины , 1 сорт за пуд – 1 р.80 к. – 2 р.
Мясо говядины, 2 сорт за пуд - 1 р. 20 к. – 1 р.40 к.
Свинина за пуд - 2 р. – 2 р.20 к.
Баранина русская за пуд - 1р.60 к. – 1 р70 к.
Баранина киргизская за пуд - 1р.70 к. – 1 р.80к.
(Водка «белая головка», высший сорт – 60 к., «красная головка» - 40 к. бутылка, 615 мл.
Водки пилось много!)

Соль за пуд - 28 к.
Свечи сальные за пуд – 4 р.
Свечи стеариновые за пуд - 9 р.
Масло коровье за пуд- 6р.15к.- 6р. 20к.
Масло подсолнечное за пуд - 6 р. 25 к.
Яйца свежие - 1 р. 70 к. за 100.
Стерлядь свежая за пуд - 2р.- 10 р.
Осетрина яловая за пуд - 5 р. – 5 р.50 к.
Осетрина икряная за пуд - 7 р. – 8 р.50 к.
Нельма свежая за пуд - 3 р. – 10 р.
Муксун свежий - 45 – 55 р. за сотню
Щука свежая за пуд - 80 к. – 2 р.
Карась за пуд - 1 р. – 2.50 к.
Дрова березовые - 2 р.50к.-2 р.60 к. за сажень
Дрова сосновые - 2 р. – 2р. 20 к. за сажень

Рядовые томичи, т.е. 90% населения города, считали каждую копейку. Всякое колебание цен было для них очень болезненным и переживалось громко. «Сибирский вестник» с возмущением сообщает о попытках монополистов вздуть цены на керосин и сахар (на 10-15 к. за пуд), о повышении цен на билеты в театр и маскарады. 20 к. за посещение катка - чувствительно!

Вопиющей представляется ситуация с теми же черемошинскими рабочими: монополист-харчевник, пользуясь отдаленностью от города, продает им скверное мясо по 20 к. за фунт, а хлеб – по 6 к. за фунт – и они проедают чудовищные 40 к. в день!

Настоящим крахом для томичей было повышение цен на капусту и огурцы в начале осени, в период квашения и засолки этого великого подспорья малоимущих. Обычно огурцы стоили 25 к. за сотню, а нынче – от 1 р. до 1 р.40 к. А ведь средней семье нужно до 500 огурцов на зиму! (только с огурцами ущерб минимум в 3 р. 75 к.!)

Тут провинилась погода – природа, как назло, не торопившаяся еще и с грибами. Поэтому огромным облегчением для обывателей стал долгожданный урожай в середине августа «березовиков» и «масленников» (белых грибов так и не дождались). А когда через неделю за

Песчаным озером «повалили» рыжики, начался истинный анабасис – в выходные дни туда отправилось до тысячи (!) телег грибников.

В конце же года томичей ждал и вовсе сокрушительный удар – прыжок цен на дрова (березовые – 2 р.90 к., сосновые – 2 р. 60 к. – 2 р. 80 к. за сажень) и сено (1 р.80 к. – 2 р. 50 к. за воз)! Тут о затягивании поясов задумались даже университетские профессора, считанная трудовая аристократия города.

С неприятностей начался этот год, бедой продолжился и неприятностями заканчивался.

Быльем поросло

Дело в Томском губернском суде (19 апреля 1890г.;
пересказ Вина - В.П. Картамышева).

«...В одной из деревень появилась на улицах какая-то свинья необыкновенного вида.

Кто-то сказал, что это не свинья, а чума, в виде оборотня, и вся испуганная деревня начала гнать эту свинью в другую деревню. Свинью прогнали, но толки не умолкли, и некоторые бабы настойчиво уверяли, что это не свинья, не оборотень чумы, а ведьма Акулина, живущая у них односельчанка. Молва росла и не могла обойти ушей сельского начальства, а сие последнее не могло оставить без внимания и проверки столь важного факта, а потому порешило осмотреть Акулину и поискать у нее хвоста и ошпаренного места в виду того, что кто-то, прогоняя свинью, о которой было выше сказано, ошпарил ее. Собралось велемудрое сельское начальство: староста, сотский, старики, и пришли они к Акулине. Баба в рев – волком взвыла. Но старики неумолимы.

- Раздевайся, мол, поищем... Дело мирское...

Плакала, плакала баба, а раздеться пришлось. Тщательно осмотрели, но хвостика не нашли. Только видят, что баба одно место ладонью закрывает.

- Эге! Вот тут-то и есть.

Баба упирается, не показывает, но.. руку силой отняли, но ни шпярятини, ни хвостика все-таки не нашли. Тут-то и начинается дело. Мужики ушли, сконфуженная баба оделась, аблакат написал просьбу и - в конце концов дело о насилии, самоуправстве, оскорблении и проч.»

Виновные были оштрафованы на 10р.

3. Томск подсчитывает убытки

Еще не кончилась календарная зима (фактическая затянулась до середины апреля), как Томск был огорошен известием о провале Ирбитской ярмарки. Продажи резко упали. Даже настырные, уверенные в себе енисейцы были вынуждены сбрасывать меха за бесценок. Вдобавок волна обозов с чаем и прочим восточным товаром пошла в Европейскую Россию через успокоившуюся Среднюю Азию (через Кашгар-Кульджу), чем создавалась совершенно ненужная томским негоциантам конкуренция. Это несло убытки.

Но убытки в 1890 г. оказались связаны и с абсолютно ликвидным товаром - золотом, потому что золота прииски дали мало. Уже в августе стало очевидно: в Мариинской и Ачинской тайге – «большие недомывы золота». В конце года посчитали: получилось, что ни один из крупных томских золотопромышленников «и по двадцать фунтов не намыл». И это едва ли не двойное падение в сравнении с 1889 г.

Во-первых, «легкое» золото кончилось, а «тяжелое» требует серьезных вложений и нового поколения техники и технологий, «чего и в помине нет».

Во-вторых, промысел заметно криминализировался, много золота уходит мимо казны «налево» от легальных предпринимателей. Считается, что воровство золота организуется

евреями, ныне допущенными к его добыче. Идут набеги на чужие участки, идет нелегальный намыв. Важную роль в хищениях золота играют спиртоносы, занятые самым опасным бизнесом на свете.

Упадок добычи, естественно, сопровождается внутренним кризисом отрасли: ухудшаются условия жизни старателей, падает заработок, сильнее хозяйский гнет – и все больше спирта, под двойное уханье совы, тащат из тайги спиртоносы. На приисках конфликты и даже бунты – бьют и калечат рабочих, до смерти колотят ненавистных приказчиков, режут друг друга.

Что все это значит для Томска?

Не будет осенью многомесячных кутежей в «Европе» или «Славянском базаре» (и не было впервые за годы), пострадают увеселительные заведения, не получают богатых даров театральные дивы и их коллеги. Но и обмелеет благотворительность, не построятся какие-то дома, не откроется какое-то дело – и в итоге, по социальной цепочке, пострадают все. Но, как всегда, в середине осени, при пересменке и перенайме приисковых тружеников Томск испытает привычное потрясение от буйства сотен мужчин, изголодавшихся по простейшим удовольствиям пьянства, блуда и давания в морду.

Быльем поросло

«Дерзкий шалун»

На Обрубке, из ворот дома Зеленецкого, где винный склад, очень часто выходит какой-то мальчик и злорадно поджидает идущих из училища школьников, и как только заметит какого-нибудь мальчугана, то, не говоря ни слова, бросается на него и начинает бить по лицу, по голове и по чему попало палкой, или травить собакой, которая рвет одежду бедных ребятешек, преследуя их при громком смехе злого мальчишки. Выбирает этот мальчуган для своих проделок того, кто поменьше ростом и послабее на вид. Нет прохода мимо этого дома. Обращаем внимание на этот факт родителей драчуна...»

«Сибирский вестник», 25 февраля)

4. Два метеора: великое наводнение.

Зима 89-90 гг. была изобильно снежной. Январь был сплошь метельным, отмечали: снега выпадает больше обычного. 28-го отменяют бега на заваленном снегом ипподроме, и в конце февраля ипподром все еще не готов. Март: снег грудями, даже богачи с ним не справляются, во дворе королевского театра в снегу «может утонуть лошадь». И снег идет. Томичи замечают: такого снега не было пятнадцать лет. «Снег, снег, кажись, бесконечный снег. Хороша Сибирь зимой! Да только зимой и хороша» (поймем эту фразу, познакомившись с летним Томском). В конце марта: снега уже столько, что не помнят такого старожилы, 70-летние старики.

Встречая Пасху Христову (1 апреля), томичи уже ждут большой воды. И в середине апреля – холода, не тает. Сильный снег идет 21-го. Приходят известия, что завалены снегами Кузнецкий и Алтайский округа... а Томск – «под ними».

23-го апреля на Томи – первые толчки льда. В Ушайке быстро прибывает вода. И вот ведь какая вещь - знамение! В тот же день, в 9ч. 5 м. вечера – метеор. «На восточной стороне неба вдруг показалась блестящая звезда, величиной намного меньше чайного блюдечка, и довольно медленно покатила вниз, переходя постепенно из белого в синеватый и красный цвета, и скрылась за горизонтом немного левее единоверческой церкви».

Река вздувается, вечерами крепкие заморозки, горожане – в шубах.

«... Страшное, небывалое наводнение постигло наш город. Старожилы г.Томска утверждают, что наводнения, бывшие в 1842 и 1845 гг., считавшиеся в то время одними из самых больших в памяти тогдашних стариков, были все-таки значительно менее против нынешнего».

Лед тронулся 28-го в 11 ч. дня, а 29-го с 3 ч. ночи очень быстро и мощно хлынула вода. К 6 ч. утра все Заисточье, Заозерье, Пески, части Уржатки и Болота были залиты водой. Три дома в Заисточье ушли под воду до самых крыш. Люди полезли на крыши.

Сообщение осуществлялось на лодках, но общественных лодок было всего тридцать, их не хватало.

К обеду затопило толкучку, затопило Благовещенский собор (далее зальет алтарь, и на неделю остановится служение). Все подвалы на Большой – в воде.

Погибали люди, скот, имущество. За озером утонуло двое детей. Погибла семья кучера С-ва: лодку перевернуло льдиной, дети погибли. Кучер при смерти, жена сошла с ума. Число жертв растет (называются разные цифры – от 50 до 200 человек).

Бедствие страшное, убытки громадны. Затоплены полгорода и весь горизонт луговины, уничтожены сотни жилищ.

Еще inferнальная подробность: 30 апреля, в час ночи, в амбаре во дворе купца Шумилова от разлившейся из Ушайки воды загорелась негашеная известь, несколько сот пудов, так что стены обгорели.

Как и водится, наводнение показало во всей красе и российское разгильдяйство, и наши достоинства. С одной стороны, пьяные лодочники заставляли себя дожидаться, что приводило к худым последствиям. С другой стороны, очень самоотверженно трудились во спасение полиция (П. Аршаулов), земство (Валгусов-мл., Беляев) и солдаты, в обычное время наводившие ужас на горожан. Как всегда, нашлись добровольцы, частные люди, способные на подвиги. В домах за университетом обитатели выкинули черные флаги («голодаем»). Солдаты попытались пробраться сквозь льды – и вернулись. Тогда явились гг. Приходько, Суханов, Баитов, Янкелевич, Петлин и Шипицын, взяли казенную лодку, топоры и несколько пудов хлеба – и пробилась к голодным, рискуя жизнью. Не добрались до одного дома, г. Борейко, но назавтра, 3-го мая, хотя и пошел лед, воспользовались большой льдиной – и накормили какого-то черкеса, не евшего четыре дня, и старика Иванова с внуком, голодавших, сидя на крыше соседней затопленной избышки.

Фотограф Брильянчиков сделал десять фотографий наводнения, и вода еще не сошла, как дежурный томский поэт Всеволод Сибирский (т.е. Долгоруков) «уж пел бессмертными стихами несчастье томских берегов». В ночь на 4 мая вода сбывла на два аршина, потом упала в два дня, но еще долго стояла в низинах, до конца месяца. «Тогда считать мы стали раны». ... А 11-го пошел снег, а четырнадцатого ненадолго пошла «земляная вода».

Быльем поросло

«Мы не можем обойти вниманием отважность наших пожарных, которые в самые критические моменты не теряют присутствия духа и перебрасываются даже шутками; так, один из пожарных, буквально потонувший в горячем дыму и ежеминутно рисковавший провалиться через подгоревший потолок в объятую пламенем комнату - совершенно хладнокровно острил и даже одною своей шуткою вызвал общий смех зрителей: «Давай,- кричал он,- брызгало, пить хочу!», а сам в это время задыхался в дыму и огне.»

«Сибирский вестник», 3 октября.

Конечно, рассуждать о причинах бедствия и его профилактике не стали, хотя гласный В.П. Картамышев и пытался обвинить в случившемся самих томичей и Думу, попускающую томским гражданам, «обмельявшим реку» своими «благородными усилиями», ежегодно погружая на дно матушки-Томи несколько сот тысяч пудов «назьму». Очевидно, что причина заключалась не в «назьме». Впрочем, Картамышев резонно и, для того времени, пророчески настаивал на том, чтобы в дальнейшем приобретать динамит и своевременно взрывать заторы.

Исполняющий должность начальника губернии Котюхов возглавил работу по смягчению последствий наводнения, достаточно активно взялась за дело томская городская дума и ее гласные, они же набольшие граждане города (но многие удрученные убытками

состоятельные люди замкнулись на своих проблемах. И это правда). Начали скидываться в помощь пострадавшим богачи, посильно и даже сверх возможностей своих жертвовали простые люди.

Дума выделяет 2000 р. в ассигнование и добавляет личных 641 р., общественное собрание дает 680 р., купец Е.М. Голованов просит помочь своих московских партнеров – и они присылают 700 р. Деньги собирают в церквях, драматическое общество дает спектакль в пользу несчастных. П.В. Михайлов выделяет 30 тысяч кирпичей. Архимандрит Алексеевского монастыря Лазарь отдает очень дорогие четки – продайте их. И драгоценные подробности: обыватели приносят в редакцию газеты рублевки (наберется 44 р.), студенты собирают 16 р., арестанты из тюрьмы шлют 6 р., а пересыльные арестанты – еще 45 .. и т.д. К 15 мая собрано донорских 10489 р. 15 к.

Пожертвования продолжались и впредь, и не сосчитать, сколько давалось денег, одежды и продуктов в частном порядке... Символически удвоим названную сумму. 20 000 тех рублей – это очень много или очень мало? Трудно сказать. Но ведь государство практически не раскошело, не было у него такой гарантийной программы, не было МЧС.

Но порыв общей, земляческой солидарности, взаимопомощи, конечно же, достоин всяческого уважения. И что здесь дороже – 300 р. Евграфа Королева или 2 студенческих рубля (все-таки пуд свинины), оторванные от себя юношей-бедняком, сыном небогатого священника, в пользу «братьев во Христе»?

А 15 мая, в 10 ч. 45 м. вечера, с запада на юго-восток – снова летит метеор. Снова, можно сказать, знамение – тут вам и окончание наводнения, и приезд в «полузатопленный Томск» (по его словам) Антона Чехова. Может быть, в это самое время Чехов как раз поселялся в номере гостиницы «Европа». И метеор летел по Чеховскому маршруту.

Более метеоры в тот год в Томске не наблюдались.

Быльем поросло

Местная хроника.

«Проезжавший через Томск известный писатель А.П. Чехов купил здесь, у купца Г.И. Ицкевича, тарантас для путешествия в Восточную Сибирь. Затем, в Красноярске, найдя более удобным продолжать дальнейший путь на перекладных, он передал тарантас офицеру г.Рихтеру, следовавшему в Россию через Томск, с условием, чтобы тарантас потом был передан купцу Ицкевичу для продажи, а деньги за него высланы были бы ему, г. Чехову, на остров Сахалин. Г.Рихтер останавливался в Томске на каком-то постоялом дворе или подворье, и теперь купец Ицкевич не может разыскать тарантаса. Помещаем эту заметку для того, чтобы лицо, у которого находится тарантас, откликнулось бы и передало бы его г. Ицкевичу».

(Не дождался Чехов денег за тарантас).

«Сибирский вестник», 29 июля

5. На страже больших ожиданий

И, вместе с тем, этот кризисный и обиженный стихиями Томск жил большими ожиданиями. Край и город должны были расцвести – имелся мощный, и вдесятеро нераскрытый потенциал, и нужны были люди, много еще людей, и потребны были новые, на уровне века пути сообщения, эти кровеносные сосуды развития, прогресса. Здесь стали часто вспоминать, что Римская империя начиналась и величалась отличными дорогами, которые мостили ее неостановимые легионеры. И эти важные запросы уже превращались в дело сегодняшнего дня, в **современность**. И это воодушевляло мыслящих томичей и поднимало их над злобой дня – ждать рассвета оставалось недолго.

Замечательные перспективы обещало **переселенческое** движение. Томску была прямая экономическая выгода от заселения края трудолюбивыми и неприхотливыми переселенцами из

России, активными людьми, не согласившимися бедовать и нищенствовать на родине, где истощилась земля в их невеликих клинах, где давил и душил кулак. Переселенчество сулило удешевление продовольствия, новоселы могли заниматься промышленным трудом и строительством.

В предыдущем, 1889г., их прибыло в Томскую губернию 20000 человек, и возвратились назад всего 28 семей (!). Примерно столько же осело в губернии и в «чеховский» год. Они прибывали с начала мая, с первыми же пароходами и до окончания навигации все текли и текли (естественно, что на склоне лета этот поток иссякал – впереди предзимье, селиться следует летом, и чем раньше, тем надежнее). Иные добирались до Томска, не дожидаясь пароходов, на лошадях, сбиваясь в земляческие караваны, плыли на крытых лодках, при парусах и веслах.

Надо сказать, что этим вопросом правительство Империи занималось очень серьезно (в меру собственной лукавой серьезности) как делом национального значения. На этапах следования строились бараки, выдавался хлеб, обеспечивалась медицинская помощь. Дорога частично оплачивалась, и на местах выдавалось денежное пособие – 9 р. 32 к. на семью. Ясно, что фельдшером не хватало, и средства их были скудны, что в бараках нередко царили насекомые, зловоние и зараза (Томск, кстати, здесь был на хорошем счету. Но все относительно).

Любопытно, что основную часть приезжих в эти годы составляли курские крестьяне (и более всего – из Судженского уезда; много народу ехало из Тамбовской, Вятской, Нижегородской губерний). Так мешалась теперь в «томском субэтнотипе» кровь пионеров-северян с кровью черноземных южан.

Именно крестьянин-курянин рассказывал любопытному учителю зимой 1890г.: «Там, на родине, жили плохо: земли мало, леса нет. Здесь – слава богу! Травы здесь благодать, лесу хватит нашим внукам и правнукам. У меня теперь две лошади, корова. А скотинке здесь – приволье». Поначалу, говорил он, тяжело, жили рвань. Но много труда и немножко удачи – и вырастешь в новую, счастливую жизнь.

Именно курянин встретит «турист» из Барнаула, подъезжая к Томску и дожидаясь парома. Он увидит «табор» изнуренных четырехмесячной дорогой, но полных надежд переселенцев (начало августа) и удивится, что у «красивого мужика, лет 30», есть еще желание поиграть у костра на свирели.

Они вгрызутся в эту землю и освоят эту тайгу, но они же и внесут решающий вклад в сооружение Обь-Енисейского канала и великой Сибирской железной дороги – магистрали (своими силами, вопреки скептикам, справится Сибирь!).

Быльем поросло

«Пароходство»

Ширков и К? не ослабевают в своем усердии нарушать покой и безопасность сибирских вод и прибрежных обывателей, сварив 13 человек на Туре, чуть не сжегши 500 на устье Томи. 9 июля так швартовался пароход «Москва» (капитан Казаков), что у городской купальни волной вырвало стену, а купавшиеся девушки, дети и даже взрослые люди в костюме Адама повыскакали наружу. Пора унять этих речных Держиморд!»

«Сибирский вестник», 11 июля

Обь-Енисейский канал был важным государственным проектом, в нем утонула тьма казенных денег, но это не значит, что это было правильно. Правильно то, что не ошибается тот, кто ничего не делает.

Но тем, кто его строил, платили хорошие деньги: инженерам – по-инженерски хорошие, мужикам – по-мужичьи. И были избранные, «хапнувшие» от этого пирога «от души».

Его предназначение мыслилось в соединении двух мощных речных бассейнов, в качественно более плотном и дешевом связывании двух половинок Сибири, в преобразовании

малолюдных широт в цивилизованное пространство. Настораживала изначально утопичность этого проекта, приблизительность инженерных и финансовых расчетов.

Работу там приобрели городские люмпены, разорившиеся мещане и крестьяне, ссыльные и переселенцы. Наверное, **впервые** за всю историю Сибирь покормилась от Европы, и то благо, и то передышка, тем более, в незадачливом 1890 году.

Платили на Канале, как мы уже отмечали, очень прилично; добавим, что нанявшимся на Канал выдавали сумасшедший задаток в 60р.(!), что провоцировало простодушных наймитов на разгул и неявку, в конечном счете, на работу. Эту ошибку солидные управляющие солидного казенного предприятия на будущий год исправили (1500 р. убытку – все-таки много).

Отправляли рабочих в конце января на казенных подводах. Томские жены, прощаясь с мужьями до октября, непривычно надолго, рыдали под аккомпанемент «хмельных гармоник». Томск был местом сбора, а стекались люди со всех уголков губернии.

В 1890 году работало на Обь-Енисейском канале 2000 человек, и на зиму осталось из них 300. За год закончили несколько шлюзов, вырыли три котлована под новые шлюзы, спрямляли речки. В июле работало 14 станов. Сезон закончили с разумной уверенностью в завершении всей работы в будущем году.

Отметим, что бытовые условия рабочих были в целом удовлетворительные, в холода в бараках было тепло, а кормили и вовсе хорошо: всегда мясо (пусть солонина), гречневая каша, масло, ржаной хлеб, в месяц полкирпича чаю. Были на канале лавки купца Колосова, но он втридорога пихал залежалый товар и заслуженно понес убытки.

Незадача была с медициной – одна больница с фельдшером и врачом и четыре приемных покоя с четырьмя фельдшерами - конечно, медики не успевали обслуживать огромную территорию. К счастью, никто серьезно не заболел, не умер. Больных вообще было мало - цинга, простудные хвори и импортный сифилис.

Еще одна незадача – нет на канале ни храма, ни часовенки, ни даже образа на стенах. Когда приезжает священник, ищут образ у рабочих...

Надо отдать должное томским разумникам: в отличие от высших чинов Министерства путей сообщения, они относились к Обь-Енисейскому каналу весьма скептически и даже негативно, и формулировали это так:

«Обь-Енисейский канал, или, в просторечии, Прокоп, как путь неестественный, будет всегда убыточным переводом народных денег».

«В настоящее время канал почти готов, но воды в нем нет и, кажется, никогда и не будет».

«Канал, может быть, и пригодился бы, но не такой и не при таких условиях, как нынче. Он не может иметь почти никакого значения ни для Западной, ни для Восточной Сибири – скорое появление Сибирской железной дороги (так!) его обесмыслит и похоронит».

«Коренная ошибка в том, что сам Канал невозможно содержать как должно, тут нужны огромные средства, о которых никто еще не задумался».

И действительно, вскоре же выяснилось: Канал был ошибкой, он оказался катастрофически нерентабелен и был затем заброшен.

Зато подкормился народ. Впрочем, тут новая незадача. 26 сентября за пароходами «Фортуна» и «Первенец Сибири» пришли в Томск баржи с первой тысячей отработавших сезонников с Канала. В прессе выражается робкая надежда, что «кабаки и дома разврата затрясутся на 2-3 дня». О наивность! Через две недели почти все из уже полутора тысяч прибывших остаются в Томске и «наполняют все притоны и трущобы наших гешефтмахеров, которые буквально обдирают их и выталкивают на улицу. Босые и голодные, рабочие толпами ходят по окраинам», неизбежно вываливаясь в криминал. Такая задержка для томичей была внове, им хватало разгула приисковых (в это же примерно время). Набрались каналцы пролетарского опыта, осмелели. Да вот деньги их достались не семьям – их проглотило ненасытное «чрево» Томска. А Канал, и по сей день невостребованный, так и остался Прокопом.

Быльем поросло

«Партия арестантов.

24 июля, утром, на пароходе «Дельфин» прибыла в Томск партия арестантов в 700 человек. Направляясь в пересыльную тюрьму, партия шла по городу близ Дальнего ключа. Мы видели, как собралась огромная толпа глазюющих, эти люди шутили, играли на гармониках (воскресение).

И никто не упрекнул весельчаков, что это неприлично, бессердечно».

«Сибирский вестник», 27 июля

Состояние грунтовых дорог в Сибири было «ужасающим» круглый год. Кошмары поездки от Тюмени до Томска весной 1890 г. весьма эмоционально живописал Чехов. Он ехал в самое неудобное время, догоняя распутицу и половодье, но смеем заверить, что каждый сезон имел для путешественников свои «прелести». И дорога от Томска на восток была еще хуже. Ухабы, лужи, глыбы, грязь или снежные торосы... Даже приезжая в Томск из какого-нибудь ближнего города, говорили современники, «представляешь собой какое-то битое мясо».

«Грунтовые дороги от Томска до Иркутска просто невозможны». «От Ачинска до Красноярска даже пешком идти – тяжелое испытание». «Иркутский тракт зимой: ухабы, павшие лошади, сломанные сани».

Но это еще одна сторона медали. Другая - грабежи и, бывало, сопряженные с этим покушения на жизнь. Это изощрённые атаки «чаерезов» и «крючников» на торговые обозы – и простые, как мычание, изымания кошельков у проезжающих под дулом револьвера, столь доступного в те времена всем желающим.

Красноярский корреспондент «Сибирского вестника» «Дедушка Фаддей» в июле излился сатирической поэмой «Песни о Сибирском тракте», в которой выразил уверенность, что, оказавшись на тракте, «Фет бы здесь на осине удавился б».

Медленно, опасно, малые транспортные объемы – вот что такое бесконечно архаичное трактовое сообщение в Сибири.

Не придавая серьезного значения Обь—Енисейскому каналу, сомнительному объекту внутреннего значения, сибиряки (и томичи, может быть, громче всех) молились на грядущую магистраль - (транс) Сибирскую железную дорогу, которая свяжет их «кандальный окоём» с Россией, с Европой, включит Сибирь в мировое экономическое и культурное сообщество.

В 1890 г. Сибирская железная дорога – уже реальный проект, разведанный и обложенный сметами, но все-таки еще проект, еще идея, воплощение которой в жизнь, не дай Бог, может быть отложено, перенесено на какие-то годы. И вот в далёком Петербурге заседает важный Комитет, взвешивает резоны, а у нетерпеливых сибиряков скачет пульс. Их не устраивает даже самое близкое «завтра», подайте им «сегодня», ибо мы перетосковали по большой жизни, давно готовы к ней.

Сибирская железная дорога – это даже не путь – это **процесс**, основанный на пути: комфортном, абсолютно защищенном, сверхскоростном, фантастическом по объемам перевозок грузов – и людей! Людей - как это важно!).

В июне-июле А. Станиславский, компетентный столичный корреспондент «Сибирского вестника», размещает в трех номерах его большую статью о грандиозном стратегическом значении Сибирской железной дороги и об абсолютной надежности этого проекта (вопрос о локализации станций пока не стоит: конечно же, дорога пройдет через Томск!). Сам факт публикации обнадеживает как некий анонс.

Но тут же приходит известие о спорах в Комитете. Полковник Волошинов считает, что для постройки Дороги достаточно местных людских ресурсов. А вот инженер Меженинов (тот самый, Межениновка!) считает, что нет. И это тревожно.

В конце июля вопрос обсуждается Томской городской думой. Это хорошо, ибо обсуждение подсказано сверху, «из губернии». Но в итоге пустая фраза: «Рано или поздно, постройка железной дороги состоится». Сами знаем, что состоится, настораживает отсутствие

конкретики.

Начало сентября – тревога! О.П. Вяземского, инженера Забайкальской экспедиции, энтузиаста СЖД, назначили на Муромо-Рязанскую ж/д. Это «ничто иное, как то, что вопрос о постройке СЖД отложен в долгий ящик».

Трехмесячное уныние.

Но в конце ноября в Петербурге, в Комитете, проходят дебаты о двух вариантах прокладки дороги - северной ветке и южной ветке. Высказались в итоге за северный: Уфа – Златоуст – Омск – ТОМСК – Красноярск – Нижнеудинск - Иркутск .

Тут же появляется в продаже по всей Сибири брошюра М. В-а «О Сибирской железной дороге». Она воспринимается как явление глашатая.

И в конце декабря месяца приходит известие: высочайшая Комиссия подтвердила мнение Комитета о северном варианте. Дорога будет строиться вскоре и пройдет через Томск.

Год завершается на мажорной ноте, и теперь Бог с ним, с нашим полузверинным бытом, доживающим последние дни, и не жаль потратить лишний рубль на дрова. Томские дети перерисовывают с картинок никогда не виданные ими паровозы и поезда, и просвещенным томичам видится за водкой и пельменями некий дворец – будущий томский железнодорожный вокзал.

А в деревне Кривощекоево все спокойно. Зима будет снова снежной и морозной, но вдоволь запасли хорошего сена.

Быльем поросло

Чудо-Автомат.

«Около магазина Шипова выставлена машина-автомат, привлекающая к себе массу публики. Нужно положить в отверстие пятак, и автомат выдает шоколадку. Томские рабочие и дети оставляют здесь свои последние гроши. Наши жулики пытаются вбрасывать в автомат копейки или железки под размер отверстия, но безуспешно».

«Сибирский вестник», 10 октября

6. Свет Животворящей Троицы

Однако же, было еще одно важное дело, замысел, имеющий первостепенное значение для томичей, для томского духовного самосознания. И его исполнение зависело на сей раз не от внешней воли, не от Петербурга, а исключительно от самих томичей. Речь идет о строительстве нового Троицкого собора на Елани (ныне – пл. Новособорная), призванного стать новым кафедральным. Оно будет завершено через десять лет, но именно в 1890 г. решится - быть Собору или нет.

История строительства собора, блестяще изложенная затем К.Н. Евтроповым, - долгая и многострадальная. И счастье Евтропова в том, что он не дожил до 1934 г., когда красавец Собор, младший брат храма Христа Спасителя, был взорван и разобран по кирпичикам большевиками.

Город Томск был посвящен Святой Животворящей Троице. Сам царь Борис подарил ему икону, возможно, список с рублевской «Троицы». И первый собор в городе был Троицкий («старый», деревянный, сгоревший в 1818 году). Долгие годы в Томске не было Собора, достойного духовных запросов горожан и самого статуса города. Роль кафедрального выполнял Благовещенский (стоял внутри нынешнего трамвайного кольца на пл. Батенькова, снесен большевиками) - маленький, тесный, «подслеповатый».

Новый Троицкий собор начал возводить владыка Афанасий, но случилась трагедия - обрушился купол (и погибло шесть человек). Стройку забросили, не осталось на неё средств. Возобновилась она при епископе Владимире, но шла очень неспешно.

Томск тогда изрядно победнел, а ведь эта стройка была народной. Исключительную

решающую роль сыграло тут томское купечество. Комитет по строительству возглавил Петр Михайлов, щедро выделял для собора кирпичи со своего завода.

Но одних кирпичей было мало – нужно было оплачивать работы, покупать все необходимое для убранства собора, начиная с крестов и колоколов – и очень достойным должно было быть это убранство. Здесь был вопрос о чести томичей.

Встала новая пауза – активно боролся за собор бийский епископ Макарий (сменив Исаакия и став томским архиепископом, он и довершит все дело) - нерешительно, вяло вел себя томский преосвященный Исаакий...

И вдруг – известие о завещании вдовой З.Г. Цибульского 150 тысяч рублей на «строительство нового Собора».

Но беда в том, что фраза была неточна: что называть «новым собором», если Троицкий возводится уже почти полвека? Не возмутятся ли наследники, если деньги передадут Михайлову?

Весь март Томска городская дума решает этот вопрос, активен Евтропов, но Е. Королев, возможно, в пику Михайлову, противится. Спорят до глубокой ночи, до хрипоты - наконец Евтропов, убедив большинство («поможем Михайлову», «он душу отдал за это дело»), добивается своего.

Но это еще не все. Нужна высочайшая воля. Письмо уходит в Петербург. Однако, воодушевление господствует. А 13 июня умирает С.С. Валгусов, «светлый богач», оставив на Собор 30 тысяч р.

Макарий, временно сменивший Исаакия, проводящего вакации на Телецком озере, торопится. 15 июля, после обеда, к новостроящемуся Собору направляется крестный ход: будут освящаться кресты, установленные накануне. Присутствуют высшие чины губернии (Тобизен и Котюхов) и города, окруженные огромной толпой. Картамышев писал: «Освящали крест на Троицком соборе. Лазали по лесам на самый верх Собора. На Большом глобусе утверждён полумесяц, а над ним победоносно высится крест с вылитой на нём фигурой Спасителя» (Скромно. Изящно. Высота – 27 сажень). «Кругом море леса, выются серебряной лентой Томь и Ушайка. И город кажется таким чистым – не хочется спускаться вниз».

12 ноября Михайлов избирается городским головой. А 19 декабря «достоверный источник сообщил, что капитал, завещанный покойной Цибульской, Высочайше повелено обратить на окончание постройки ныне строящегося кафедрального собора». Это была победа!

Освященный крест уже главенствовал над городом.

Но все-таки спустимся в город и пройдем по его знаменитым тротуарам.

Быльем поросло

Костюмированный бал в общественном собрании .

«Опишем костюм «Россия», получивший первую премию: «Белый глазетовый сарафан, украшенный золотым позументом, жемчугом и драгоценными камнями, и сверху светло-голубой шугай, опушенный соболем – эмблема национальности. На голове шапочка с крестиком наверху, также украшенная драгоценными камнями и опушенная соболем – подобие шапки Мономаха – эмблема самодержавия. На груди на цепи из драгоценных камней большой золотой восьмиконечный крест – эмблема православия. В левой руке золотой щит с государственным гербом России - эмблема могущества и непобедимости, а в правой руке - пальмовая и масличная ветви - эмблема мира».

«Сибирский вестник», 30 ноября

7. «Тротуарная злоба дня, фонарная злоба ночи»

В конце июля или в начале августа 1890 г. Томск посетил некий интеллигент из Барнаула, приславший или принеший в редакцию «Сибирского вестника» свои впечатления

от увиденного, завизированные псевдонимом «Случайный турист». Эта панорама летнего Томска для нас драгоценна.

«На въезжающего с юга Томск производит довольно благоприятное впечатление. Под горой вытянулось предместье, на горе сквозь березовые рощи мелькают университетские постройки. Далее начинается лучшая улица города, Большая, напоминающая отчасти лучшие улицы больших губернских городов Европейской России. Город распланирован весьма неправильно, вследствие топографических условий местности. Одна часть его вытянулась длинной полосой вдоль Томи в несколько верст, другие части разбросаны на прилегающих, довольно высоких горах, перерезанных глубокими оврагами, на дне которых текут в топких берегах вонючие мутные ручьи.

Улицы немощённые, хотя камня в Томске большое изобилие – целые скалы сланца обнажаются в городских оврагах. В сухую погоду на улицах носятся облака едкой и всюду проникающей пыли, в дождливую погоду – грязно. Освещается Томск примитивным способом, к тому же фонари расставлены весьма скупо. Изящных или сколько-нибудь выделяющихся в архитектурном отношении зданий или построек в Томске не видно – все здания и дома построены по общим шаблонам <...>

Университет находится далеко от торгового центра города и в довольно пустынной его части. Главное здание помещается в глубине обнесённой решетчатым забором площади, и перед ним разбит довольно большой сквер, украшенный древними каменными бабами. Кругом как бы ботанический сад или парк, в котором, однако же, растёт только одна древесная порода – березы <...фасад «неинтересен, здание – «скромное»>.

Только небольшая часть главной томской улицы имеет хотя бы отчасти приличный вид: не завалена она тут навозом или нечистотами, тротуары исправны, магазины напоминают несколько Европу. Но стоит миновать наиболее бойкое место, как начинает разворачиваться совсем другой пейзаж, а на соседних улицах – навоз, нечистоты, вонь, пьяные оборванцы, сидящие у заборов и т.п. дичь.

Томские тротуары положительно невозможны. Представьте себе дощатую настилку, зачастую из полусгнивших досок, грозящих обломиться у вас под ногами, с торчащими гвоздями, о которые не только можно изорвать сапоги, но и поранить ноги, с огромными щелями, как бы нарочно устроенными, чтобы прохожий сломал бы или, по меньшей мере, вывихнул ногу. Вдобавок, нелепая система уступов. Вы постоянно должны смотреть себе под ноги, иначе можете серьёзно ушибиться: около каждого ворот тротуар сразу понижается уступом, иногда чуть не на пол-аршина. Ночью ходить по таким тротуарам совершенно невозможно. Даже университетский торцовый тротуар – и тот никуда не годится, потому что торц сгнил и никогда не ремонтируется.

Некоторые части города расположены на довольно высоких горах. Вид с этих гор довольно приятный. Томск утопает в березовых рощах, как Киев, например, в садах. Но, несмотря на обилие древесной растительности, воздух Томска переполнен вонючими миазмами. Грязь, нечистота, вонь составляют, кажется, характерные особенности всех русских поселений в Сибири. Сибиряки с этим свыклись, и им, пожалуй, быть может, был бы вреден чистый воздух!»

Так исторически сложилось, что Томск как среда обитания отставал в своем развитии от многих губернских городов, также не блестящих чистотой и благоустройством. В нем отсутствовали водопровод и канализация (о центральном отоплении тогда и говорить не приходилось).

Деревянный сибирский город был пожароопасен, и, как назло, не было в нём ни хороших печников, ни добросовестных трубочистов (в 1890 г. Томск выполнил «норму» в 20-25 пожаров; слава Богу, все они оказались локализованы). С «топографией» Томску действительно не повезло – здесь было в достатке сырых низин, грунтовые воды в почве требовали постоянных дренажных работ, целые слободы в городе буквально стояли на воде (прежде всего Заисток и Болото). Осыпались кромки холмов, подмывались и обваливались берега Ушайки. Ландшафт, что называется «гулял».

Типично: «нельзя проехать по Бочановской улице, что расположена по берегу Ушайки, неукрепленный берег обваливается, узка дорога».

Хороший ливень приносил массу проблем. Город утопал в грязи, в лужах, многие улицы становились непроезжими и непроходимыми. «Размыты улицы. На Черемошинскую пристань проехать невозможно». «Против магазина Н.И. Тельных на Большой улице (!) грязь такая, что приходится обходить большим кругом. Надо сколотить переход».

А вот метаморфозы Тверской улицы, отреставрированной на всю Империю. «Утонули на улице: Тверская улица даже отгорожена, лошади тонут, водовозы не возят здесь воду» (23 мая). «На Тверской улице утонули человек и лошадь, человека вытащили» (нач. июня). «Наконец-то Тверская засыпана глиной, осушена, положен хворост, но если пойдут дожди... (15 июня). 17 июня: Пошли! «Был ливень напугавший многих, в особенности живущих у подошвы горы...» 6 июля: «На углу Тверской улицы старик помогает вытаскивать телеги – и за день зарабатывает до 1 р.» (см. выше, сравни: отличный бизнес!)

Но если устанавливалось ведро, Томск накрывала густая пыль. «Пыль в центре города – на Большой улице нельзя открыть окна. А если подует хороший ветер?» «Если посмотреть на город с Воскресенской горы, то пыль представляется вам чем-то вроде тумана, окутывающего город. Может быть, стоит поливать улицы?»

Движение по городу превращалось в труд.

Кстати сказать, пересекать улицы и ездить по ним было и небезопасно: конно-экипажное сообщение представляло угрозу для жизни, и сами лошади бывали не более кроткими, чем автомобили. Например, зимой сани едущей по Большой мещанки с сыном столкнулись со встречными, люди получили тяжелые увечья. В сентябре крестьянку Анну Малютину, переходившую Почтамтскую у дома Королева, сбил всадник на серой лошади, летевший «сломя голову». Женщину он помял сильно, до потери сознания, а сам ускакал, подлец. А вот последняя драма года: «26 декабря, днем, водовоз Ефим Рябов выехал в город на норовистой лошади, которая очень долго носила его по Воскресенской горе и, наконец, при слишком быстром въезде в ворота квартиры Рябова, выбила его из саней, причем он расшибся до смерти о заборный столб».

Воду брали из Томи, из Ушайки, но чистая вода была только в университете. «В Томь валят навоз, в Ушайку тоже. Водовозы берут из нее воду». «Вода грязная и отдает навозом. Водовозы берут воду из луж и отстаивают».

Круглый год Томск был завален тоннами навоза (особенно - базар), пищевыми отходами и мусором. Средоточием всяческой антисанитарии были мясные ряды на базаре, знаменитая скотобойня и Ушайка, в которую днем и ночью беспощадно сбрасывалось содержимое выгребных ям и прочая дрянь.

А по городу бегали стаи агрессивных, иногда бешеных, беспризорных собак. «Стаи собак в мясных рядах – не пройти». «У дома Евтропова на Дворянской на прохожих кидаются огромные черные собаки».

С наступлением тепла, когда по городу передвигалась масса людей не первой свежести, санитарные проблемы становились кричащими. Вытаивали трупы животных, начинали дышать помойные ямы – и в этот процесс исправно включались свежие отходы человеческой деятельности, загнивая пейзаж и отравляя воздух. «Не убираются бесчисленные трупы собак и кошек». «На базаре среди мясных рядов лежит огромная дохлая собака». «Множество дохлых петухов и куриц валяется у Ярлыковской церкви» и т.д.

Свою вескую роль выполняет, как вы уже догадались пресловутый «человеческий фактор», а попросту сказать, томичи по обыкновению своему, по традиции, усугубляли трудности бытия откровенным вандализмом и неряшливостью, не щадя ближних, и к гигиене относились «с авоськой».

Быльем поросло

Пруд в городском саду.

«Существует небольшой пруд, до сих пор представляющий из себя поросшую тиной лужу, распространяющую зловоние и отравляющую удовольствие прогулки. Теперь его осушат, чистят дно».

«Сибирский вестник», 18 июля

Ныне, в 2009 г. пруд на месте и в том же качестве! – В.К.

Отбивание часов на каланчах.

27 июля: «Нас просят напечатать, что прежде на каланче Воскресенской части отбивали часы, которые были слышны на Болоте. А многие не имеют часов. Просят отбивать, ведь дежурный стоит там весь день».

28 июля: стали отбивать по всему городу (неожиданная оперативность).

29 июля: «Часы на каланчах отбивают почти одновременно, звон сливается, в иных местах трудно сосчитать, сколько же времени»

«Сибирский вестник»

Типичные примеры: «К сведению санитарной комиссии: томская мещанка Рукавишникова, имеющая дома свои на Воскресенской горе, на Яру, как раз над домами купца Кузьмина, на Раскате, не стесняясь, льет помой и всевозможные нечистоты чрез свой заплот под Яр; нечистоты эти сбегаются во двор Кузьмина, так что живущие в этих домах положительно не знают, что им делать...» «Нам жалуются, что по Большой Болотной улице нельзя пройти, благодаря тому, что из дома Поздняковой проведена из помойной ямы канава шириной в аршин (куда - в Ушайку? – В.К.). Канава ничем не закрыта и прямо проходит по улице под тротуар и разит страшно».

«В булках червяки, тараканы, мышинный кал». «Очень грязны пекарни и сами пекари. Тьма насекомых, пекари есть сифилитики».

«Грязны наши цирульни и могут быть источниками заразы, сифилиса».

«Наши торговцы мясом и рыбой совершенно не озабочены гигиеной и в целый день не моют ни плах своих, ни рук».

И даже: «На городском кладбище глубина могил едва 2 аршина; а ведь под гробом – полати, и крышка гроба в аршин от поверхности. Часто новый гроб ставят на старый...». В секторе бедняцких могил гробы и вовсе еле присыпают землей, «там зловоние от разлагающихся трупов».

«Арестанты исправительного отделения, занимающиеся вывозкой нечистот, буквально испортили всю Никитинскую улицу, по которой они приезжают со своими бочками. Для того, чтобы не вывозить нечистоты за город, они каждый раз нарочно выплескивают их на этой улице, отчего там происходит невыносимая вонь» (кстати, нынешние старожилы Томска помнят, что еще тридцать лет назад они, к удивлению своему, собирали на ул. Никитина по ведерку шампиньонов походя... – В.К.).

И закономерно, что статистика заразных болезней в Томске отмечена полным и плотным их набором: корь, скарлатина, оспа, ветрянка, сыпной тиф, горячка тифозная, горячка возвратная, горячка родильная, холера, понос, свинка, коклюш, рожа, сап, сибирская язва, инфлюенца и сифилис, лидирующий по частоте заболеваний. (Томску очень повезло, что рядом с шестью не весьма радивыми участковыми врачами были «университари» и прекрасные частные врачи, А.И. Макушин, Березницкий, Быховский и др., которые лечили бедноту бесплатно и ревностно. Светлая им память!).

Но что говорить о простых обывателях, если сам «лорд-мэр» Е.И. Королев зимой и летом давал постоянные дурные примеры – образцы санитарного нигилизма! За что неустанно

критиковался передовыми думцами.

1) «Снег грудями – даже богачи не убирают, а особенно наш почтенный лорд-мэр».

2) Заседание Думы: «У вас грязь и неустройство во дворах». Королев: «Вряд ли какой двор лучше моего». Евтропов: «Я ужаснулся безобразию на заднем дворе Е.И. Королева – и это коммерции советник!» Королев: «Помилуйте, у меня для уборки всю зиму ежедневно работало 5 лошадей. Картамышев: «Вам надо не 5, а 15!»

3) Дума, август. Картамышев: «В яму королевскую недавно упала лошадь Шадрина». Шадрин: «Да, и насилу вытащили».

4) 16 сентября, «Сибирский вестник» о Королеве:

Да, изменчиво все в мире,	С непреклонностью твердой
Неизменен лишь один,	Продолжает грязь плодить
Столь прославленный в Сибири	И ответ всем держит гордо:
Томский крез и господин!	«Мы привыкли - де так жить!»

(Впрочем, были и редкие примеры «обратного» действия «человеческого фактора». Одним из оазисов в томской санитарной пустыне был Лагерный сад, где супруга командира Томского резервного батальона Е.В. Битнер, при содействии мужа и его подчиненных, навела «эстетический порядок». Там всегда было чисто, приглядно, разведены были цветы и бил фонтан. Но как раз в апреле 1890 г. Елизавета Васильевна, «куратор тенистого сада», скончалась. Битнеру стало не до сада, вскоре он уехал, и сад запустел. Июль: «Видно, что нет уже любовной руки хозяина»).

А тротуары действительно были «изюминкой», даже символом томского разгильдяйства. «Тротуары на Дворянской ветхи, плахи-капканы ломаются». «В 150-й раз о тротуарах!» Злорадно: « «На Сенной провалился гласный думы Тельных. Может быть, это поможет?» «Экипаж и.д. начальника губернии Котюхова застрял на мосту через Ушайку. Колесо намертво провалилось между плахами. Пришлось брать извозчика».

«В 200-й раз о тротуарах! Маляр Макаров провалился на тротуаре на Монастырской – ободрал в кровь ногу». «Тротуары на Монастырском переулке – две плахи сгнили и провалились в канаву - теперь здесь две западни».

«Снова в 200-й раз о тротуарах!!! Стыдно – **и это университетский город!**» (Эта присказка, активно употребляемая в наши дни, едва ли не впервые прозвучало 20 июня 1890 г.! – В.К.).

«На днях (август), около 9 ч. вечера, девица Н., проходя по Дворянской мимо пустопорожнего места, провалилась в незакрытую яму, глубокую, полную воды. Только прохожий помог ей выбраться».

А их, тротуары, еще и «сознательно» ломали, и делали это часто!

Освещение томских улиц, керосиновое, «допотопное», стали притчей во языцех. В томской сатирической поэзии эта тема занимает место, сравнимое лишь с «тротуарной» и «жиганской». Фонари горят редко и никогда не горят все - когда половина, когда треть, есть районы города (Мухин Бугор) всегда почти погруженные во тьму, бывают дни (7 августа, 10 ноября...), когда в городе не горит ни один фонарь.

В чем тут дело? Этой службой занято пятнадцать пожарных. На каждого лестница и фляга, они ежедневно, и в лютый холод, должны чистить лампы и заправлять их голыми руками. И платят за это 6 р. в месяц. На каждого приходится от 30 до 50 фонарей, маршрут – 6 верст в день (грязь, сугробы).

Понятно, почему в городе Томске темные ночи.

«Надо Думе найти 700 р. дополнительно в год. Неужели это невозможно?» И в самом деле – в Томске есть орган - Томская городская дума, управляющая и надзирающая за городом, у неё есть какой-то бюджет и должна быть какая-то воля. Что же, гласным Думы дела нет до навоза и хлябей, до тротуаров и фонарей?

Быльем поросло

Ц и н и з м.

«... Нам сообщают, что мимо дома К., на Обрубке, положительно нельзя проходить: на балконе этого дома постоянно собирается целое общество, и мужчины занимаются тем, что кидают окурки папирос на прохожих, а женщины обсыпают их ореховой шелухой. Иногда же бывает еще хуже: над прохожими начинают грубо острить или даже плевать на них».

«Сибирский вестник», 29 июня.

Этот балкон сохранился. – В.К.

8. О Томской городской Думе.

А Дума по-своему старалась и была, по-своему, в целом добросовестна. Но городской бюджет был невелик и даже сократился (см. выше) - и тратился он до последней копейки.

Думцы в массе своей были реалисты, практичные люди конца 19 века, и многие городские изъятия с внутренней честностью считали терпимыми, небезотложными и «все равно денег нет». Тут работали ментальные механизмы.

Вот образчик утверждения расходов на городские нужды (13 апреля).

« 1) 5768 р. – ремонт дороги по Московскому тракту от Верхнего перевоза на 4 версты 400 сажен.

2) 1195 р. – труба на протоке Керепеть (про дороге на Черемошинскую пристань).

3) 1189 р. 80 к(!) – на устройство трубы на протоке Теребиловой по Малой Кирпичной улице.

4) 6507 р. – на водосточную канаву на Болоте.

5) 2335 р. – на устройство водосточной канавы по Подгорному переулку.

6) 6338 р. 50 к(!) - на укрепление берега Ушайки на Бочановской».

Приоритеты понятны. А на другие нужды, тем более связанные с рисками, денег не было. И видно, что подсчитывалось все очень конкретно.

Поэтому Дума была предельно прижимиста на деньги (что давало поводы для прекрасноречивой демагогии), с одной стороны. Она могла подолгу, в горячих прениях решать вопросы о крошечных социальных пособиях, о ремонтах, об арендах. Она, например, четыре месяца отбивалась от необходимости выдать полиции (на полгода) 1500р. «на разъезды по городу» - но ведь все-таки дала, осознав, «вдумавшись» в ситуацию.

С другой стороны, думцы искренно недоумевали: чего так шуметь о скотобойне, учреждении новой, «прогрессивной» скотобойни? Там никогда, с нашим народом, не может быть чисто. Опять же, вопрос об укреплении берегов Ушайки прошел с большим скрипом: «Берег валится - жильцы сами виноваты. Кто их заставлял там селиться?» И всегда были у гласных надежды, что «само образуется». Делать ров «в заду» Воскресенской горы – не было б хуже (где ров – там миазмы), а проблемы там, «»в заду», встали нынче, но не вставали раньше и не встанут чай, впредь.

В-третьих, они были прагматики, вынужденные жить сегодняшним днем, не забывая о себе, капитанах и унтер-офицерах томской экономики.

В феврале 1890 г. спорят: мост через Томь нужен? Нужен (тут не надо объяснять). Нет, не нужен. Потому что очень дорог (и потому, что те, кто держит паромную переправу – а они сидят в зале - потеряют хороший заработок, увесистые копейки из которого падают в городской бюджет). И вопрос отложен.

Инженер Миткевич (часть гласных его поддерживает) предлагает создать акционерное общество для устройства в Томске мостовых, газового освещения и водопровода. Цена вопроса – 750 тысяч р. серебром. Предполагается, что при щадящем погашении в 30 тысяч р. в год в течение 30 лет (т.е. до 1920 года - плакали бы денежки!) проект не только окупится, но и принесет неплохой доход через ежегодные поступления от платы за газ и воду. Теоретически такую махину могли бы поднять томские коммерсанты (они же гласные Думы), но «это же

дожить надо», но риск велик, а им на развитие своего, поставленного дела нужны свободные деньги. И что там еще будет, какие возможности и траты, когда построят железную дорогу? И Дума отбивается от этого предложения.

Дума – 72 гласных трех разрядов - являла собой более или менее разумное (и не механическое) представительство всех слоев экономически и социально активного населения. Здесь были люди с репутацией, доноры – почти все крупные купцы и промышленники, здесь были видные губернские чиновники (и среди них такие, например, как председатель управления Казенной палаты М.А. Гиляров, редкий администратор, прижившийся в Томске уже на 30 лет и сделавший городу много добра. В 1890 г. ему присвоят звание почетного гражданина Томска). Здесь были представители всех значимых профессиональных и благотворительных общественных организаций, и конфессионально-этнических общин (например, татарский купец Абдуллатиф Вахитов, возглавлявший в 1890 г. попечительский совет при мечети и медресе. В конце года его работа была оценена в высшей степени положительно). Здесь были врачи, педагоги, земцы, гласными были (и переизбрались в октябре) К.Н. Евтропов, В.П. Картамышев (редактор «Сибирского вестника» и адвокат) и П.М. Кошаров (художник и педагог).

Да, были несознательные гласные, что брали взятки и «делали гешефты на арендах городской земли» (как это знакомо!), да, широко использовалось всякого рода лоббирование и сговор. Но все это не носило, как сегодня, эпидемического характера, ибо страх наказания и потери общественного лица был силен.

Объяснение в том, что правовое поле, в котором действовала Дума, было вполне объективным и дееспособным (суд, прокуратура, полиция. Среди самих правоохранителей в 1890 г. провинился только один, письмоводитель Блинов за взятку укравший улику - лист дела. Он был осужден). Суд и общественное мнение (а оно было влиятельней, чем нынче, несмотря на его «зачаточность») защищали, при всех издержках, от произвола сильных и наглых куда надежнее, чем в 2009 году. Самого «лорда-мэра», когда он отхватил было «место земли» у купца Григорьева, заставили вернуть участок владельцу и присудили к штрафу в 100 р. И он отдал и заплатил.

Поэтому сегодняшний опыт должен нам подсказывать, что известная как аксиома, фраза: «В городе Томске руководит общественным делом бездушный капитал и его первороднейший представитель» (т.е. Королев) правдива относительно, спекулятивно. Далее мы убедимся в этом наглядно.

И сами богатеи, и чиновники относились тогда к людям много сочувственнее и ответственнее, чем нынешние нувориши и «крапивное семя», они не брезговали людьми. Дебошир А.Е. Кухтерин от души, а не для телевидения пел с богачами «Боже царя храни», а и.о. начальника губернии Котюхов пробовал арестантскую пищу в тюремном замке не для дешевой популярности, а по делу. За последнее столетие подобное событие случилось в Томске лишь однажды, совсем недавно и совсем по другой причине.

Итак, скаредная, бескрылая Томская городская дума кроила, как могла, «тришкин кафтан» городского бюджета и **посильно** решала текущие вопросы, не имея ни возможности, ни желания замахиваться «на планов громадьё». То есть делала, в общем-то, что могла. Город жил по средствам. Странно же спрашивать у человека, почему он не летает?

А то, что Дума не могла принудить несознательных домовладельцев чинить тротуары и не справлялась с освещением города – Бог ей судья.

Весомое оправдание многим думцам впереди, а сейчас упомянем, предваряя следующую тему, что в конце декабря Министерство внутренних дел дало соизволение на установку в здании Думы портретов почетных граждан Томска братьев Евграфа и Всеволода Королевых за особые заслуги, в ответ на запрос Томской Думы.

Гласные затеяли дискуссию, на чьи деньги должны были изготовить эти портреты и сколько это будет стоить, поскольку названная сумма в 700р. показалась тяжелой для бюджета. Критики Королевых утверждали, что платить должны сами братья, но им справедливо возразили, что это было бы для героев года унизительным. Они столь

потратились **лично** на общественные нужды, что стыдно должно быть их зоилам.

Вот именно: лично, по доброй воле потратились!

Быльем поросло

30 августа: Тезоименитство его Императорского Величества
Государя Императора Александра Александровича.

«.. В кафедральном Благовещенском соборе, в присутствии губернатора Г.А.Тобизена <и др.> преосвященный Исаакий отслужил литургию и молебен о здравии и долголетии Их Императорских Величеств и всего Императорского Дома. Приличную торжеству проповедь говорил архимандрит Акакий. С утра город был украшен флагами, и вечером была зажжена иллюминация».

«В военном лагере: литургия и молебен, парад батальону со знаменем, ружьями и музыкой. Затем солдатам поднесли по чарке водки и пирогу. Вечером лагеря были иллюминированы, и играл оркестр военной музыки, и сожжен фейерверк».

«Государь Император пожаловал Томскому губернатору камергеру Тобизену орден св. Анны первой степени».

«Открытие театрального сезона. Перед началом спектакля вся труппа исполнила народный гимн «Боже царя храни» и повторила его по желанию публики».

9. Город жертвующих.

Чего не могла Дума, могли люди. Те же гласные, но теперь уже частные лица, вольные выбирать, кому и как помогать.

14 марта город узнал, что братья Королевы, по причине рождения у «лорда-мэра» сына-первенца, сделали внушительное дарение для города: первый преподнес здание для новой богадельни ценой в 50 тысяч р., а второй, Всеволод, - 30 тысяч р. в пятипроцентных билетах для содержания на проценты призреваемых.

Королевы остались верны своим благотворительным принципам. Беспokoясь, чтобы два рубля не попали в руки пьяницы, они «прожертвовали, как всегда, крупно и с толком», как не мог не признать их вечный оппонент Картамышев. (И вспомним, что центром культурной жизни города был театр Е. Королева, построенный им за 150 тысяч р. в 1884 г., что в 1883 г. он основал ремесленное училище, потратив на него 90 тысяч р. и т.д.) Восхищенные гласные тут же избрали Всеволода в почетные граждане Томска (Евграф уже носил это звание) и решили, что портреты братьев должны украшать собою думский зал.

В отличие от государства, с его тягучим ходом канцелярского делопроизводства, частный благотворитель давал «быстрые деньги». 10-го июня новая мужская богадельня была открыта.

Практически каждый томский богач, наживший своё состояние правдами и неправдами (тот же Евграф немало заработал на самом циничном ростовщичестве), считал своим долгом делиться с городом и бедными, помогать им. В конце апреля, вслед за Королевыми, пожертвует 25 тысяч р. на постройку здания для Томской мужской гимназии купец А.Ф. Морозов. Поскольку еще 30 тысяч, в случае половинного участия города, обещало правительство, вопрос о новом здании закрывался, и оставалось ждать предсказуемого решения сверху.

Это была мощная местная традиция. На редкость прогнозируемым актом было и **завещание** огромных сумм на общественные нужды. Без Цибульских не было бы ни Университета, ни Троицкого собора. В 1890 году большие деньги оставили городу вдова Цибульского и С.С. Валгусов (см. выше), умерший в Москве «золотой» миллионер И.Н. Некрасов, 54 тысячи р. завещала университету потомственная почетная гражданка А.Н. Портнова, скончавшаяся в Иркутске.

Однако регулярной благотворительностью занимались не одни богатые. Помогали обществу представители всех слоев населения города, вплоть до уровня «друг-другу», «сосед-соседу». И, например, все торгующие откладывали копейки с продаж и еженедельно, в пятницу и воскресенье, раздавали их томской голытьбе, что очень нравилось нищим-профессионалам, имеющим гарантированную водку с закуской по красным дням.

Томская благотворительность распространялась в две, нередко прямо связанные сферы жизни – это нужда человеческая и образование, особенно начальное (уже тогда Томск в этом смысле был особенный город; и томичи гордились, что образование в Томске поставлено исключительно хорошо).

Нуждающихся в пище телесной и духовной было слишком много, чтобы думать о тротуарах и фонарях. Помощь была целевой, размеры ее и формы обуславливались конкретным изучением положения человека, и хотя всех не утетишь и не обогреешь, но уж накормлены были все, а дети еще и одеты.

Мы убеждены, что в этом отношении «систематический» Томск был впереди едва ли не всех городов Империи. Для провинциальной России того времени все-таки характерна окказиональная благотворительность, хаотическая в основе, и типично, например, высказывание симбирского гласного Скачкова, винокура и «спаивателя народа»: «Хорошо было бы, если бы совсем не давать пособия на школы». В Томске, городе Макушина и Буткеева, никто не смел даже и помыслить о подобном.

И можно утверждать, что любой действительно нуждающийся человек получал помощь – в размерах, достаточных, чтобы перевести дух или даже начать новую жизнь. Нужно было только обратиться с просьбой (беда в том, что не все об этом знали в эпоху без радио и ТВ. И безгласны были дети пьющих родителей).

А обратиться было куда.

Быльем поросло

Читая газету.

«10 марта. Умер в Москве золотопромышленник, миллионер Игнатий Николаевич Некрасов».

«25 мая. (Объявление на первой полосе). «Желаю купить сибирской породы Бегуна, Рысачка, иноходца особенно резвого бега.

Обращаться: Томск, Ивану Игнатьевичу Некрасову»

«Сибирский вестник»

Томская благотворительность была системна, и в эту систему входили:

1). Прямые инициативные взносы богатых при личном курировании ими приютов, ночлежек, богаделен (и также их завещания). Здесь, к тому, что мы уже знаем, добавим например, что П.В. Михайлов и его семья опекали Владимирский детский приют («чистота, порядок, образцово, гуманно, по-матерински. Прекрасно работает, при крайне ограниченном жалованье, смотритель – г-жа М.А. Самович». «Новогодняя елка - с музыкой, конфетами, подарками») Или: А.Е. Кухтерин опекает «старую» ночлежку и регулярнейшее следит за порядком в ней, до эпизода в «Эрмитаже» (см. далее), во всяком случае.

2). Всевозможные общества (Мещанское, Ремесленное, Благотворительное, Вспомоществования учащимся, (знаменитое) Попечения о начальном образовании...), а также временные комитеты. Деятельность этих обществ носила перекрестный характер, перекрестный ход имели и выделяемые спонсорами средства;

3). Разнообразнейшие формы благотворительности – опорными ее точками могли быть балы и маскарады, обеды и утренники (всегда целевые), спектакли, концерты и лотереи (9 тысяч билетов было продано в пользу детей-сирот), рождественские и пасхальные визиты полиции к видным гражданам (так, полицмейстер Л.Н. Некрасов собрал на Пасху 378 р. для Благотворительного общества в пользу бедных и 125 р. для пожарных команд) и т.д.

И вот звучат мучительные призывы: «Помогите Аграфене Федоровне Чувашевой: муж

ее исчез два месяца назад, трое детей – грудной, 2 и 4 лет. Денег нет». «Помогите мешанке Марье Михайловне Коротковой! Пятеро детей, от 7 месяцев до 7 лет. Муж болен, не может работать». И навстречу им идут сообщения: «Вдове Л-ской с пятью детьми собрали 70 р. серебром» и т.п.

При этом даже в сомнительных ситуациях решения принимаются в гуманную сторону. В июне Мещанское общество ломает голову, что делать с двумя буйными богадельцами, крепко досаждающими другим убогим? Но они же калеки. Решили: из богадельни выгнать, но выдавать им по три рубля в месяц, хотя и понятно, что те их пропьют.

Заседает общество Попечения о начальном образовании: приход – 5107 р., а расход – 5284 р., дефицит. А тут еще «многие ученики поступают в школу только для того, чтобы получить теплую одежду». Решают: что ж теперь, все равно будем давать шубки и валенки!

Неприменно, кстати, следует отметить, что общество Попечения о начальном образовании до осени возглавлял достойнейший М.А.Архангельский, губернский чиновник, увы, навсегда, по общей тенденции, покинувший Томск, но зато его сменил вновь занявший этот пост сам П.И. Макушин, «энергичный деятель», и дела пошли еще успешнее. Так, в октябре он запросил у горожан 3 тысячи рублей - и общество их получило, помогло до 70 доноров! Антрепренеры королевского театра поделились сбором от спектакля (160 р.), хорошие деньги собрали на костюмированном бале в декабре и т.д.

Перелистаем хронику пожертвований еще раз. В марте Мещанское общество выделяет: на богадельню (2000 р.), на обувь и одежду беднейшим ученикам (200), на библиотеку (100), на начальные школы (500), на стипендию для бедных в училище (100), на стипендии во Владимирский приют (160) и т.д....

... В мае - литературно-музыкальный обед в пользу недостаточных учеников классической гимназии. Сбор хорош...

... В августе получают пособия выпускник гимназии, поэт (!) Иван Ефратов, сын чиновника городской управы (125 р.), и выпускник гимназии Хиль (100 р.), поступившие в Императорский Томский университет. Коренные томичи среди студентов еще редки – как не поддержать!...

... В середине осени Благотворительное общество назначает персональные пособия на 1891 год. Цитируем постановление: «1) Вдове губернского секретаря Марии Носковой, 57 лет, по 2 р. в месяц; 2) вдове канцелярского служителя Домне Шариной, 80 лет, по 3 р. в месяц; 3) вдове, томской мешанке Еве Стефанович, 76 лет, с внучкой, 13 лет, на внучку по 2 р. в месяц; 4) мешанке Белецкой, 70 лет, по 1 р. в месяц; 5) жене чиновника Ушаковской с детьми по 3 р. в месяц; <...> 7) мешанину Петру Новыску, 42 года, больному глазами, по 2 р. в месяц; <...> 9) дочь бессрочно отпускного рядового Михайла Леонова, Ольга, 9-ти лет, принята в приют Благотворительного общества; <...>; 11) выдан бандаж крестьянину Тобольской губернии Бернарду Вейнбергу...»

А вот, по ходатайству попечителей о начальном образовании, открывается женская воскресная школа технического и ремесленного рисования, и преподавание **бесвозмездно** берет на себя супруга профессора А.С. Капустина...

... Проводится маскарад в пользу еврейского училища. Сбор был хорош...

... Благотворительное общество дополнительно выдает девять разовых пособий в размере до 5 р.

... А вот и елка в театре, половина ее сбора уйдет на выдачи уже нового 1891 года... Новогодние пожертвования в **богадельню** и бедным, 43-м лицам, по изучении их положения, от 1 до 3 р. ...

Главным же благотворительным событием второй половины 1890 года было оперативнейшее, с наступлением холодов, открытие нового ночлежного дома и дешевой столовой при нем, весьма актуальное событие, поскольку нищих осенью этого года оказалось беспрецедентно много. Здесь немало потрудились Гиляров и вездесущий П.И. Макушин. Тузы города дополнительно собрали 600 р. (губернатор Тобизен дал свои дежурные 25 р.), купец Карнаков подарил 5 пудов мещерского сыра «на завтраки» нищеты. Ножлежка открылась 11

ноября, в 12 ч. дня «при торжественном молебствии» и рассчитана была на 150 человек (в первые сутки ночевало 37 мужчин и 2 женщины).

Итак, 1890 год: Троицкий собор, новое здание гимназии, новые грандиозные поступления в Университет, новая мужская богадельня, ночлежный дом и дешевая столовая, все дети одеты и могут учиться – и т.д. и т.п. Это в принципе впечатляет, а для кризисного года в городе, пережившем самое большое наводнение в своей истории, просто фантастично.

Город жил во вполне нормальных ритмах. 16-го августа начались занятия в гимназии, 24-го – в семинарии, 3-го сентября – в университете.. 22-го октября выпал снег, назавтра зима уже встала, и первые обозы побежали по еще забытым дорогам... И как всегда, взрослые обижались на детей, не дающих им прохода по всему городу со своими санками и «снегурками», сбивающих с ног всех подряд, не разбирая ни звания, ни возраста.

Впрочем, нам рано успокаиваться. Было в жизни томичей такое, что отравляло её - круглогодичное сплошное огорчение, и 1890 год сумел отличиться и в этой сфере, которую мы назовем «жестокие нравы и преступность».

Быльем поросло

Идиотизм.

«Умер мещанин из ссыльных Гамкрелидзе, человек небедный. Он поспорил с собутыльниками, что выпьет за раз три бутылки водки, три бутылки наливки и три бутылки пива. Он вылил всю водку в одну посудину – выпил. Потом наливку – выпил, но пива пригубить не успел - моментально умер».

«Сибирский вестник», 22 августа

10. «Жестокие нравы, сударь, в нашем городе».

Губернский город полон нищих-люмпенов, полон людей с безальтернативно-криминальной мотивацией, бывших ссыльных и уголовных, настоящих ссыльных, вообще, неукоренённых и проезжих соотечественников. Город стоит на извозе и золоте и привлекает аферистов и авантюристов всех мастей. У него тяжелая наследственность. Томск неизбежно был обречен на уголовщину, пьянство, хамство и жажду грубых удовольствий. Он изобиловал притонами и публичными домами низшего пошиба, кабаками-портерными и явками для «жиганов», и очагами нечестной игры, где обчищали «пижонов».

Эта среда, эти нравы верно описаны Вячеславом Шишковым. Очерки местных нравов, местная хроника, публиковавшиеся в «Сибирском вестнике», переполнены сюжетами о буйстве, хулиганстве, грабежах и убийствах, и даже святочный рассказ (!) основывается на истории с двумя убийствами.

«Судебный указатель» - замечательный источник сведений о работе Томских губернского и окружного судов – дает нам широчайшую палитру томского криминала и хулиганства, запредельное количество дел рассматривалось еженедельно – но ситуация не менялась.

Всеобщий, всепроникающий характер варварства выразался уже в том, что от него не был защищен никто. Многие знаменитые томские фамилии постоянно мелькают в уголовной летописи города. Вот из квартиры самого Гилярова похитили серебряную ложку. Вот в саду «Эрмитаж» ограбили квартиру уважаемой артистки «Ганечки» Варламовой, унеся ротонду в 100р. и два пальто. Вот в конце сентября рассматривается дело «о краже шубы у отставного флотского лейтенанта Константина Станюковича, в чем он обвиняет каинского мещанина из ссыльных Эля Найдуса, и покупке этой шубы каинского мещанина Давида Белявского» (Единственное упоминание в 1890 г. в печати об авторе «Максимки»). Вот в начале зимы «в дом Островского вошел какой-то господин и спросил чей-то адрес. После его ухода пропала шуба Е.И. Некрасова, бывшего в это время у Островского». Обворовали на 3100 р. губернского казначея Раковского, нанесли – в помещении университета (!) - оскорбление самому Флоринскому!...

Томский уголовный мир держался и подпитывался на прочном фундаменте грубости

нравов (в свою очередь обусловленной нуждой: «Бытие (битие) определяет сознание и поведение»). Того бытового хамства и агрессии, когда преступление «висит в воздухе», и его совершение зависит от вещей весьма уже случайных, от последней капли – от настроения, от того, насколько не сошлись характерами брутальные эти люди, от количества выпитой водки, от глупости..

Криминал пополняется по злосчастной доле, молодежью из мастеровых, приказчиков, прислуги, неотвратимо тесно знакомой с «жиганами» по местам проживания, по кабакам: сначала молодым кажется модным хулиганить (форма самоутверждения), а потом их засасывает другая мода... (хулиганская мода захватывает и детей состоятельных родителей, как Прохора Громова у Шишкова. Картинка: «Купеческий сынок 15 лет шел пьяный с двумя пьяными проститутками по мосту через Ушайку в половине четвертого утра...»).

Здесь все зыбко и гадко, и выпадения в уголовщину носят бессмысленный, немотивированный для здорового ума характер, побои и оскорбления редко носят корыстный смысл.

«В Сибири получить пощечину – все равно что съесть десяток пельменей». В Томске постоянно кого-то бьют, унижают и запугивают.

Но даже привычные ко всему томичи были потрясены в январе известием, что в Семилужках, селе вообще-то с дурной репутацией, несмотря на древнейшую икону святого Николая в его храме, произошло жуткое побоище. Там находился сборный пункт для мобилизованных в армию, оных «рекрутов» сопровождали их родные, плакали, пили, пели. Местные обыватели, разогретые водкой и призывами лидеров - семилуженских ямщиков, напали на них с исключительно мордобойной целью. В драке пострадало до сотни человек с обеих сторон, а один из провожающих, молодой приказчик, умер от побоев. Огласка была широкой, люди взволновались. Но на повседневную, рутинную практику Томичей влияния это, все-таки не оказало.

Быльем поросло

Револьвер.

Револьвер был доступен всем. Бандиты-крючники, кошевщики, городские грабители и убийцы – все были с револьверами. Почти все томские самоубийцы года – увы, разочарованные молодые люди - уходили из жизни с его помощью. Застрелился бедный юноша Наумов, оставивший записку: «Жить не для чего» Безнадежно влюбленный мастеровой Маркин попытался застрелить отвергнувшую его Полину, «хорошенькую особу», ранил её в спину и застрелился сам. Револьвер он приобрел, заложив пальто.

Крестьянка Сахит-Джемаль Мухаметова из Черной речки, в контексте ссор, драк и ревности, застрелила «через окно» мужа-черкеса.

«На Большой Болотной улице, в портерной Ал. Платонова, было совершено нечаянное убийство Лукерьи Кузнецовой, 48 лет, мывшей полы в этом заведении. Она была ранена из револьвера, которым играл (!) 14-летний мальчик Ал. Брунштейн, оставленный на попечение Платонову родителями его, заключенными теперь в тюрьму по делу о краже золота из магазина Тельных <...>»

«Сибирский вестник», 22 августа

Домовладелец Ям-ъ, вместо расчета, избивает горничную-сироту, да так, что выбивает ей глаз. Чиновник Н. неумоимо колотит жену и малолетнюю дочь, вынуждено вмешаться его начальство. Женщины плещут друг другу в глаза «крепкой водкой» («это новое, завезено из России»). Мещанин Варламов и крестьянин Незамутдин «стаптывают» лошадьми мещанина Огурешникова. На рынке мещанин Ходзь бьет попрошайку, спившегося богача, большим железным молотком по голове. На Болоте, в доме Галичкина, пьянствует компания – драка, в ходе которой Лебедев из ревности протыкает женщине руку ножом (бежал, но был задержан и «ввержен в узы»). Крестьянина Юду Крыса избивают вчетвером, верховодит ссылный

Мовша Амстердамский...

«Буйство 15-го июля, в 10 ч. вечера, чиновник Б., проходя со своими знакомыми по Нечевскому переулку, в Слободке, и поравнявшись с домом терпимости, у которого стояли несколько человек пьяных, подвергся нападению с их стороны. Они, без всякой причины, кинулись на проходивших с камнями в руках, вероятно, приготовленными для разгрома заведения. Один из пьяных ударил в голову г. Б. и нанес глубокую рану до черепной кости, причем пробил насквозь фуражку; удар был так силен, что по осмотре раны в ней оказались куски подкладки и пробитой фуражки и волосы».

И даже такое: трое детей ловили рыбу на загородном озере. Кто-то из чащи стрелял в них из револьвера. Все трое были ранены; слава Богу, легко.

Ничего святого буквально: в храмах разнузданность, священника могут оскорбить, могут, в отместку, остричь гривы и хвосты у его лошадей. «Во время богослужения в еврейской молельне, на женских хорах, когда присутствующие возносились душами к Иегове, раздалась звонкая пощечина в сопровождении чисто русских, крепких эпитетов. Оказалось, что некая трактирщица оскорбила действие супругу баньщика».

И, разумеется, безобразия, дебоши в публичных домах с битьем посуды, физиономий, ломаньем мебели и скрипок – на то он и бардак. «В публичном доме по Береговой улице, за Истоком, в доме Стерлина, вечно шум, драки, бандит «Османка» (татарин, вор) – всегда пьян, нагл и всегда бит». Публичный дом «Райки» на Никитской (наконец-то закрыли в июле): в этом голубеньком домике с «флигелями» на задах – скандалы, брань, вопли, цинические сценки, полулюди в костюме Адама, шпана – и аресты, обыски без конца...

«На Мухином бугре, на Тверской, в доме чиновницы Чикуновой, открыт с Первого января кабак Ю.П. Бейнаровича. Драки, оргии, песни-пляски, мат. Открывается в 4 часа утра и трудится до 11 часов вечера. Но выпивка – круглосуточно. Бедный чиновник Н., бедная его семья – окна его дома напротив входа в кабак». «Жители Мухина бугра сильно жалуются на В.Ал-ча, который в своем доме открыл беспатентную торговлю водкой и «портером». Днем и ночью дом и округа полны пьяных, шум, гром, **страшно жить** рядом...»

«Портерная «Тифлис» около театра – ночная торговля, хамство. Ночные «тифлисские феи» ходят по театральным тротуарам и «перекидываются между собой такими рифмами, которые, если не складны, то, как говорится, очень «здоровы».

Отец пьет водку в трактире с семилетним сыном. Десятилетний мальчик закладывает в кабаке молочник за выпивку.

Безобразия, пьяные дебоши в роще при пивном заводе Ваганова, на Ушайке, за Исаевой мельницей. Молодежь пьет, дерется, проститутки сбегаются сюда отовсюду, здесь их «видимо-невидимо». «В это лето порядочные семейные пары сюда не ходят».

А вот вам 1890 г. в анналах типичного, но и знаменитого «непорядочного» семейства (только по «судебному указателю»).

1) Апрель. «О нанесении побоев тарской мещанке Екатерине Коршуновой крестьянином Осипом Кляцкиным, женой его Двосей и матерью мещанкой Ривой Кляцкиными».

2) Июнь. «О краже двух серебряных ложек у крестьянской жены Двоси Кляцкиной, в чем она обвиняет каинского мещанина из ссыльных Шама Бахмана».

3) Июнь же. «По обвинению крестьян Иосифа и Двоси Кляцкиных в оскорблении крестьянки Коршуновой».

4) Октябрь, 31-ое. «За истоком, в съестной лавочке Кляцкина, произведена кража содержателем этой лавочки пяти рублей и паспорта из бокового кармана зашедшего туда крестьянина Попова. Факт кражи установлен, и виновный арестован» (Новый год встретил в кутузке).

5) Ноябрь, 13-ое (добавят сроку). «По обвинении Осипа, Двоси и Ривы Кляцкиных в нанесении побоев мещанке Коршуновой».

Что ж, люди жили полной жизнью.

... Кузнецы в Кузнечном ряду дежурно хамят женщинам; мимо извозчиков (Биржа в Конном переулке) женщине нельзя пройти, чтоб не отпустили ей «оскорбляющие»

комплименты (тут - редкий случай: так «достали» извозчики», что дошли до них руки замордованного грабежами пристава Аршаулова, и он запретил им работать три дня. На месяц присмирели). Мастерские из шапочного магазина бранятся вслух, перекидываются галошами и грязными тряпками, толкая прохожих, в том числе дам. Хулиганы-подростки, дети Демиденко и Кропачевы, на Б. Подгорной, у дома чиновницы Демиденко, оскорбляют девушек и молодых женщин, кидаются грязью в них ...

Но и люди состоятельные, не обиженные судьбой, в пьяном угаре мало в чем уступают буйному мещанству. Пьяный купец хвастается: «двум чиновникам «циммерманы» помял да одному полицейскому скулу своротил». Этим называют «саврасами» и «нацией». «Нация» буйнит в борделях и переносит театр боевых действий уже и в приличные места. Некто «Савл Савич» (псевдоним) на спор пробивает, по пьянке, лысиной зеркала в гостинице «Европа» (лучшей в городе, «чеховской», «бомондной») под рыдания другого купца, жалующегося, что его побили «за честность».

Большую и злорадную огласку получил дебош, устроенный пьяным А.Е. Кухтериним в июле в саду «Эрмитаж». Гастролеры давали «Наталку-Полтавку», куражливый Кухтерин ни с того ни с сего изъясил: «Я Кухтерин! Плачу за все! Не смей продавать билеты!» Посыпался «град неаполитанских слов». Он дал пару пощечин кассирше, француженке Б-о. Скандал, забрали, доставили к Аршаулову.

«Вот нравы купеческой нации нашей!» - заметил хроникер, вспоминая про купца П-ва, который изнасиловал жену своего приказчика.

Эта история имела весьма сакраментальное продолжение. Тысяча рублей, полученная Б-о в качестве сатисфакции, очень своевременно помогла ей расплатиться за безнадежный кредит. «Вот повезло-то!» - сказала некая старушка из томского «хора».

Осень в Томске – пора полного, совершенного разгула хулиганства (пик преступности – зимой). Осенью 1890 г. в Томске смешались застрявшие в городе канальцы и подоспевшие приисковики. Город превратился «в какую-то веселую станицу. Пьяные разъезжают по городу на извозчиках с гармониками и даже органом. Поют оглушительно», и на этом фоне в Томске бьют, оскорбляют, грабят с особенным, наверное, одушевлением.

«Хулиганы осмелели». «Бросают камни в окна, ночью пуляют из револьверов». «Какие-то безобразники ночами мажут дегтем вывески на Б. Магистратской, выворотили несколько столбов на Болотной, палят из пистолетов».

«Мажут дегтем дома, ломают тротуары и без конца стреляют по ночам. Какой-то черкес Грацианов, желая напугать одну женщину, выстрелил в окно её квартиры».

«Мы живем тут, как в ауле, - сетует хроникер, - «Что же дремлет пристав частный, что же, страж городской?»

А вот что....

Быльем поросло

Ханко-Пуро.

«Выдающимся криминальным событием на Пасху была проделка крестьянина из ссыльных Уртамской волости латыша Ханко-Пуро, который задумал обокрасть магазин Стахеева, проникнув в него через отверстие в стене, которую намеревался пробить. С этой целью он спрятавшись в яму с известкой и сидел там с 31 марта по 3 апреля, выжидал худой погоды, когда можно начать работу. Но погода была все время довольно тихая, провизия у него вся вышла, он потерял терпение и решился днем работать. Приказчики, проверявшие в магазине товар, услышали подозрительный стук, дали знать полиции, и Ханко-Пуро был задержан. Он успел все-таки сделать в стене значительное отверстие».

«Сибирский вестник», 8 апреля

... Нет, конечно, казенный человек не без греха. Чиновники совершают растраты (четыре случая в 1890 г., один - крупная растрата), больничные смотрители объедают больных (- «А мясо где? - На ляжках у смотрителя!»), надзиратель тюремного замка Хлебников

за мзду помогает бежать арестанту Ильину, обвиненному за перемену имени с другим арестантом. Были свои «борзые щенки» и у полиции, но исключительно у полунищих городских. В 1890 г. на слуху был анекдотец о том, как городовые задержали чайного вора, а потом, попивши чайку, рассовали улику по карманам, а вора вытолкали взащей. Очевидно, что содержатели злочных мест до поры, до шума, откупались всякими дачами, но здесь были известные, оговоренные пределы. О сращивании, как ныне, с криминалом, вопрос не вставал ни разу, с моральным обликом особых проблем не было, и неслучайно, что пристрастная пресса зафиксировала один лишь случай подобного сорта. «2-го августа в 7 ч. вечера, на берегу Ушайки против Королевского дома городской № 57, очень пьяный, в одетой задом наперед шапке, тащил в полицию совершенно трезвого и крайне испуганного мужичка и бил его. Возмутившаяся публика отняла мужичка у пьяного альгвазила. А если б она не вступилась?»

Однако в целом томская полиция в нужную меру честна, инициативна, знает свое дело. У неё честостлюбивое, профессиональное начальство. С апреля большого полицмейстера Л.Н. Некрасова замещает яркий, талантливый пристав П.П. Аршаулов, «марсиальный человек». В упомянутой поэме ему посвящен лестный пассаж:

... Полисмен наш очень крут!
Всех мошенников он знает,
В каталажки запирает;
Суд-расправу сам чинит
И квартальных не щадит.
Пристав с длинными усами
Под сенными небесами

Тоже женщин уважает,
Их своей красой пленяет!
Его жулики боятся,
С ним невыгодно сражаться:
Он все тайны разгадает,
Коль нагайкой отваяет
В кабинете – глаз на глаз.

(В октябре на место полицмейстера пришлют черниговца В.В. Ушакова, а измотанный Аршаулов получит огромный отпуск с сохранением содержания).

Анналы хранят имена отличных работников, приставов Королькова, Кряжева, Пушкарева и его помощника Бессонова, Красина.

Загвоздка была не в кадрах, а в их количестве и обеспечении. Полиция была малочисленна, ее состав не менялся двадцать лет, но население города с тех пор выросло в полтора раза; на работу с агентурой деньги, как это было прежде, не выделялись; мы видели, что на разъезды по городу деньги были выбиты с трудом.

Малочисленных городских в таком городе не любили, называли, с легкой руки приисковых, «духами», с удовольствием вставляли им палки в колеса, иногда даже били (городовой заставлял извозчика подобрать в снегу пьяную женщину, извозчик против и избивает зануду-городового; некая мещанка Ульяна Федорова наносит городовому Рыжикову побои; бьет полицейских инородец Кармышаков) И были места, где даже втроем городовым появляться было опасно, боязно.

Волну бытовых преступлений полиция, конечно, сдерживать не могла, а о профилактике здесь говорить просто нечестно. И горожане кое-где берутся за самооборону: «На Верхней Елани с весны воруют и грабят. Местные мужчины для охраны ходят ночами вооруженные, как черкесы».

Бессильна была полиция и тогда, когда речь шла об убийствах приезжих или, тем более, внутренних разборках «жиганов».

Но с прямым профессиональным криминалом она боролась успешно, и все серьезные преступления года были раскрыты.

Быльем поросло

Б о л о т о.

«Есть в Томске местность, носящая довольно характерное название «Болото», изобилующее притонами разврата, портерными, питейными и иными заведениями, составляющими для других мирных обывателей нечто вроде библейских и египетских казней. Каждую почти ночь, особенно по праздникам, на улицах (например, Подгорной), слышны цинические песни, брань, а частенько бывают и настоящие битвы: подгулявшая компания мастеровых или рабочих, повздорив из-за какого-нибудь пустяка, оканчивает эти споры дракой.. Как бы немного почистить пресловутое «Болото»?

«В праздничные и базарные дни Болотная улица, в особенности перекресток на взвозе ее, получает какой-то своеобразный дикий характер. Целый десяток помещающихся на этом пункте распивочных и других заведений точно оживают. В это время можно встретить там всевозможные сцены то и дело дерущихся пьяниц и ругающихся извозчиков. Полный хаос и ни одного полицейского!»

«Сибирский вестник», 18 июля и 26 октября

...Тихо катится Ушайка
С грязью пополам,
И жиганская там шайка
Угрожает нам.... (Н.С. Листов. Колыбельная)

Криминальные очаги города располагались в Заисточье, на Болоте, в Солдатской слободке, с юга подпиравшей Мухин бугор, который, кажется, представлял собой один сплошной очаг зла. О, погруженный в почти метафизический мрак Мухин бугор, где целые улицы представляли собой гирлянду борделей (Бочановская), где и храм-то поставили спустя лишь двадцать лет, по причине отсутствия религиозного энтузиазма у его общины!

Здесь «жиганы» жили, отдыхали, иногда разбирались друг с другом. Но не «работали» - не считать же «работой» воровство в домах терпимости (вы куражитесь, а мы за это вас «чистим») или обдуривание простаков в карты и в орлянку. Карты - это скорей удовольствие, приятный, достойный досуг, тем более, что «пизонов» и заманивать особо не надо - сами прибегают.

И в тепло, и в холод в Солдатской слободке под Мухиным бугром или, по другую его сторону, на луговине над Ушайкой гудела толпа, по праздникам превращаясь в муравейник. Не без распри и поножовщины, здесь, под открытым небом, шла массовая игра, и день за днем люди уходили отсюда обобранными и, как правило, побитыми. Заправляли всем именитые Михаил Бар, «Выкрест», «известный своим буйным нравом», и Менахем Сполянский, «Монашка». Вот пожилой мужичок проигрывает трешку, азиям и шапку - обычное дело, в вот Мишка «вытаскивает» у купчика 900 р. (годовое жалование среднего чиновника) - это рекорд года!

Городовые-одиночки сюда не суются - не дадут подобраться и отлупят. Когда же проводится облава, жулики и их жертвы дружно разбегаются, чтобы потом дружно сбежаться на том же месте. Заводил забирают в часть, они давно известны, но свидетели молчат, и жертвы запуганы. В конце декабря Бару и Сполянскому предъявлены-таки иски, но следующей весной они привычно украшают собой Мухинобугорский пейзаж.

В городе Томске опасно быть **приезжим**, особенно если ты простак-крестьянин, опасно быть **одиноким** на сумеречной и ночной улице.

У деревенских снимают на лету шапки, уводят лошадей (даже 11-летний мальчик Трусов увел). «Крестьянин Трубочев шел по щепному ряду с поросенком под мышкой, наскочили два жигана, один схватил шапку, другой вырвал поросенка - и были таковы». Веселые солдаты из Слободки начинают год с ночного отбирания гармони у одинокого прохожего, войдя во вкус, совершают уже 4 весомых ночных грабежа на Жандармской. «27

октября, в 6 ч. вечера, на Воскресенской горе дерзко ограблен органист Томской Римско-Католической церкви Сильвестр Кардышевский». Двое пошли следом, нагнали, дважды били кастетом, проломил голову. Сняли одежду и сапоги. Голый и босой бедняга добрался до дома священника.

«Дерзко!» Томский извозчик, не боясь, что его опознают по бляхе, везя домой известного всем за единственностью китайского коммерсанта Ван Хун Сина, пугает его и отбирает немалые деньги, великодушно доставив по назначению. Арестован. Ямщик из Семилужков (!) Шипицын грабит коллегу-ямщика на тракте. Арестован.

Закон преступается на всех уровнях томской жизни, где есть хоть какая-то пожива, куда ни кинь взор.

При этом вынужденные преступления, непосредственно вытекающие из жгучей нищеты, мелки и не столь многочисленны. Взрослые, а чаще дети крадут еду с лотков, с прилавков. Но бывает, что бессовестная мать-пьяница отправляет малолетнюю дочь на панель, наказывая ей не брать конфеты, а требовать копейки. Исключительную историю рассказывает в своем «Эскизе» П. Аршаулов, тот самый: (не ведающий о томской благотворительности) бедняк Андрей, не в силах видеть, как его дети умирают от голода, холода и болезней, зарезает и грабит Юшку-целовальника. В контраст ему поставлен служащий банка, сытый «интеллигент» Иван Иванович, который чтобы подарить «диадему» диве, «расточающей продажные улыбки», крадет у хозяина 10 тысяч р. «Так кто здесь преступник?»

Зато много экономических преступлений, когда сытые и очень сытые томичи в желании нажиться сверх прибыли и помимо закона, идут на обман. Повсеместны контрабанда спиртного, тайное винокурение, беспатентная торговля. Спиртное «крепится» чем попало; в молоко (или вместо него) мешают белую глину, мел, муку: в масло – сало; кофе, чай, изюм- с мусором; в керосин добавляют воду. Мелочные торговцы обвешивают покупателей, прасолы – производителей. Типично: негодник Карукес пользовался поддельными гириями и коромыслом, а в цепи вставил большие гвозди, и в итоге «пуд» у него весил 12 кг вместо 16.

Настоящий грабеж бедных людей. Бог накажет его, когда перед Новым годом у него, в свою очередь, украдут из амбара, путем взлома стенки, 400 гусей на сумму 180 р.!

Воровать в Томске умели! Этим самым массовым и разнообразным жиганским ремеслом занимались настоящие мастера, изобретательные, тонкие знатоки корпоративных нюансов дела - «карманщики», «подломщики», «щипачи», конокрады, «ключевые», «беговые» и прочие. Ворвалось все - и на все были свои секреты умыкания. Крадут на улицах, на рынке, в присутственных местах, прямым доступом и легким «щипом». Со дворов уводят лошадей, тащат другую утварь, включая кольца в калитках. Девять окороков ухватывает на бегу мещанин Калашников. «В галантерейном магазине купца Второва, пользуясь суматохой базарного дня, двое портных, Слуц и Рейнер, унесли штуку сукна, стоящую 40 р. При аресте у них найден широкий золотой галун, похищенный ими в магазине Тельных».

На базаре крестьянка складывает покупки, на 6-7 р., на возу, под попу малолетнего сына - отвлекли внимание, украли – и мальчик ничего не заметил.

«Г-жа П. поймала за руку карманника, который, извиняясь, сказал: «Я, сударыня, пошутил... Как же вы карманы делаете? Совсем сзади...»

В почтово-телеграфной конторе у студента Земляницына какой-то человек очень ловко выхватил прямо из рук 10 р. и скрылся. Затертый его явными сообщниками, студент не смог поймать вора. Интересную технологию изобрели воровки Сырбина и Красносельская (мужья в тюрьме). Нанимаются в работницы, кухарки, потом берут, что понравится, и сносят в притон. И поди докажи. Ловчили уличены по разу, но, чтобы их посадить, нужно поймать их трижды.

Храм - тоже присутственное место, и лакомое, по многолюдству. Крадут в церкви: в Богоявленской церкви, в день Крещения, у мещанина Прошенкова похищено из кармана 42 р.; в Никольской церкви, в мае, у стоявшей на паперти вдовы унтер-офицера Курдюковой из «дипломата» вырезали внутренний карман с портмоне (200 р.). Крадут у самой церкви: в единоверческой Троицкой из ящика взяли 60 р., а в Богоявленской кто-то, знающий время и

место, 150 р. Апофеоз: в ноябре в Благовещенском кафедральном соборе, во время крещения молокан, похищена **вторично** с аналоя (!) серебряная Икона Благовещения Божией матери...

Специальных условий требовали кражи со взломом. Здесь нужны были:

- а) инструменты (лом, топор, сверло и т.д.); б) наводка (но часто грабили «на авось»);
в) **ночь** (или гарантированное отсутствие хозяина и соседей).

И вот вам ночной калейдоскоп набегов на дома, амбары, погреба и завозни.

... Украли несколько сот овчин у мещанина Берестова (найлены у Мазура).

... Через подкоп из амбара стащили 130 пар пимов на 300 р.

...Ночью из дома Снарского на Почтамтской улице украдены вьюшки и икона Божией матери в медной ризе, в краже этой поймана с поличным мещанка Шикалева.

... Из завозни дома Крылова со взломом украдено 12 пудов конского волоса.

... У купца Шадрина украдено 9 хомутов со шлеями, на 150 р.

... В доме Акулова со взломом двух замков у амбара похищено 15 холщовых кулей и несколько штук белья и отравлена цепная собака (на толкучем рынке пойман с этими кулями Пужевский).

... На загородной заимке Плетнева похищено у Акатова 10 пудов колбасы на 40 р.

... 4-го ноября ночью воры забрались в д. г-жи Ратман на Банной улице. Для предупреждения себя от всяких случайностей они заперли на задвижку домовладельцев и квартирантов в доме, а сами свободно опустошили амбар и погреб, откуда вынесли все съестные припасы...» Заметно, что раскрываемость этих краж высока, прежде всего, потому, что трудятся неслучайные люди, а полиция свой контингент знает и вычисляет возможных похитителей.

«Пушкарев и Бессонов накрыли целый притон воров в Солдатской слободке, где квартировал Рейден. Масса улик».

«21-го октября, в 6 ч. вечера, на Обрубке, в доме Сквинского, из квартиры дворянина В. Даукши, во время отсутствия последнего, через взлом замков было похищено разных золотых и серебряных вещей на 600 р.».

«29 числа октября ночью были арестованы Рахман и Фендель как пособники довольно значительной кражи у Даукши. Они являлись организаторами целой шайки мошенников. В виде более успешного производства дознания арестованных посадили в особую камеру и приставили к ним отдельного стражника».

Крупные, тысячные, партиями кражи со взломом были поприщем людей высокого полета - коловоротчиков (В полу, в стене проверчивается множество дырок, затем поверхность по контуру выдавливается или выбивается). Эта публика работала на заказ, и заказчик, «Анисим Петрович» или «Герша Захарович» - кабатчик, содержатель притона, часто под прикрытием лавочки, цирюльни, - «заведения», одним словом, - обеспечивал тружеников всем необходимым. Судя по всему, видимо, в честь приезда Чехова, в 1890 г., коловоротчики взяли паузу.

Быльем поросло

«Ничего не совестно!»

«15-летний Федор Караваев несколько раз сидел в полиции и теперь очень цинично, прямо в глаза обворованным им говорит, что ему «ничего не совестно». Мальчик этот представляет собой очень интересный тип ранней преступности. Он давно уже не живет у своих родителей, а шатается по городу и обворовывает специально извозчиков. Для этого он продельывает следующую комедию. Найдя какого-либо сердобольного извозчика, он сказывается ему ребенком, потерявшим своих недавно приехавших сюда родителей, и просит дать ему приют. Некоторые извозчики соглашаются и приглашают его к себе ночевать. У извозчика он живет день-два и, выждав удобного случая, обворовывает его и **пропивает** похищенные вещи».

«Сибирский вестник», 23 декабря

Самым распространенным видом мошенничества, за которое следовало очень суровое наказание, была подделка монеты и ассигнаций. Этот промысел, процветавший когда-то в глухих углах и на заимках, уходил в прошлое, однако в 1890 г. в Томске раз десять пытались расплачиваться фальшивками. Это была грубая работа, и надежды ссыльных и бродяг на успех носили инерционный характер. Однако дело о бродяге Покровском и его шайке, поддельщиках кредиток, рассмотренное в конце года в губернском суде, вызвало самый пристальный интерес благодаря незаурядной личности фигуранта. Иван Васильевич Покровский, он же Попков, он же Дормидонов, высланный из России в начале 80-х за аналогичные подвиги, был еще молод, образован, начитан (читал перед арестом «Историю» Иловайского), «озлоблен и умен», вел «Дневник Сибирского кота». В 1885 г. его судили уже в Томске за подделку печатей (5 лет заводской работы и 45 плетей). Сбежал, организовал подделку «бумажек». Защищавший его Картамышев говорил о нём в духе эпохи так: «Ходячий протест той бездомной массы, которая, будучи переброшена к нам, за Урал, сразу становится в неблагоприятные условия и враждебные отношения к местному населению...» Приговор - 17,5 лет каторги и 90 ударов плетью.

Другие забавные и не очень проделки аферистов. Бывший солдат Хмелевцев самозвано выдал себя за лесничего «Хмелевского», штрафовал, раздобыв мундир (?), крестьян за незаконные порубки леса, был изобличен настоящим лесничим.

Кабацкий «аблакат» дурил безграмотных крестьян, подсовывая им за деньги ничего не значащие каракули в качестве прошений.

Некто посредством фальшивого вызова-письма обворовал квартиру акушерки Войниковой на Песках. Вор спрятался в снях, ходу до дома названных Дорониных было две версты (все они были, конечно, здоровы), времени, чтобы отобрать все ценное, было достаточно.

В первой половине года жулики распространяли в Томске «чудесные карандаши». Расчет здесь был на самых темных и жадных людей. Разломи карандаш – а в нём кредитка – в 1, 3, 5 рублей. Да, поддельные – но ведь как настоящие! Купи у меня ящик таких карандашей и делай, что хочешь. Клевали, покупали, но даже поддельных кредиток более не обнаруживали и получали по физиономии от тех, кому пытались продавать товар в розницу.

А во второй половине года в городе «снова» появились эффективные мошенники, которые обманывали народ посредством «пак». Объясняется, что «пака» - «это простая бумага, нарезанная в форме кредитных билетов и прикрытая с лицевых сторон настоящими билетами». То есть хорошая известная нам «кукла». Тут разыгрывались целые спектакли с появлением «городового», и на кону стояли приличные деньги...

... И очень серьезные субъекты занимались грабежами и разбоями. Здесь речь идет об организованной преступности, здесь дело пахнет жестоким насилием и кровью. В 1890г. грабежи были нечасты, но были.

Январь, ночь, метель, дом Петровой на Болоте. Два бандита проникают в него, там живут две старушки, лучшая в городе прачка и ее прислуга, их страшно избивают и спускают в подпол, квартиру грабят подчистую. Старушки выжили. В 6 ч. утра пристав Корольков уже арестовывает злодеев.

Но в первую очередь здесь нужно рассказать о шайках **крючников** и **чаерезов** (что, в сущности, одно и то же. Поскольку чай был основным товаром, идущим с востока, прижились оба слова. На практике специалисты по чаю с удовольствием выдергивали или срезали с обозов и одежду, и кожи и пр.).

Они грабили обозы. Обозы охранялись хорошо вооруженными людьми, в нападениях могли участвовать подготовленные, «отмороженные» бандиты, и требовались скрытность (ночь, скрипящие на снегу обозы) и внезапность. Чуть что - стрельба. Бывало, крючники брали своё и уходили незаметно, бывало, что вспыхивала настоящая битва с применением ножевого и огневого боя. Не всегда удача была на стороне «крючников».

Так в марте, шайка дорожных грабителей в белом камуфляже поверх зимней одежды, русский и три татарина, успешно срезали с обоза купца Карнаухова сундук и мешок с

обувью, а вот зелеевский крестьянин Кузнецов от них ускакал, собрал деревенских, они нагнали не ждавших, видно, погони крючников. Их жестоко избили, и дело чудом не дошло до самосуда, поспела полиция.

24-го декабря три заисточных татарина срезали два «места» чаю у проезжавших по Московскому тракту ямщиков, но не успели их уложить на свою кошеву, как были ямщиками замечены. Татары бросились бежать на Томь, где попали в прорубь. Бросили лошадей и скрылись в свои резиденции за Истоком. Ничья, бандиты уцелели.

Но уже если расвирепевшие ямщики, по году выплачивавшие иной раз ущерб хозяевам за свой недосмотр, одолевали, и некому было их сдержать, прощайся с жизнью, чаерез! Крепко повезло в январе татарину Абсаламову-чаерезу, который попал в ямщицкие руки в заисточном публичном доме. Его избили, «без живого места», проломили голову и не добились только по незнанию, что он жив.

А в очередном очерке Аршаулова приводится другой исход - взятый на месте, сгоряча, ямщики устроили «ужасный сибирский дорожный самосуд».

«Татарину прибили тубетейку к голове гвоздем», «бежавшему было сняли пимы, подрезали пятки и в раны набили стекла от бутылки». «Другого раздели догола, вырезали длинный ровный прут и им перемешали ему в животе кишки». «И захоронили всех в снег. Летом набредут на кости...»

Тем не менее, обозные убытки 1890 года исчислялись в десятки тысяч рублей.

А во второй половине года, с новой зимой на город обрушились кошевщики, воры на саях, крадущие с разлета, с заезда и стремительно удирающие прочь на отличных лошадях. Весь ноябрь они вездесущи: заезжают во дворы, врываются даже в квартиры. Самое наглое их предприятие: «на виду у всех 16-го ноября, в 11 ч. дня двое кошевщиков, на паре лошадей, въехали во двор конторы Российского общества транспортирования кладей, ухватили два ящика мануфактуры и преспокойно уехали на Воскресенскую гору».

Только 23-го пристав Кряжев отыскал притон неуловимых лихачей, потерявших всякую осторожность. Трое с поличным были арестованы в доме Половодовой, и они сознались. Еще трое накануне уехали с «товаром» в Иркутск, их не догнали, но возьмут в Иркутске.

Убийства года - особая статья, и за убийствами не всегда стоит корыстный мотив. Часто – это злоба, обида, стремление любой ценой избавиться от постылого ближнего.

В прилегающих деревнях много бытовых убийств – жена избавляется с любовником от мужа, муж убивает гулящую жену, сын убивает слишком властного отца, сосед соседа – спьяну, по неприязни ... и т.д.

В Томске все по-другому.

В июне под Мухиным бугром находят в заброшенном погребке труп мужчины, задушенного крестьянской опояской - кто он, за что его? Но убит «по-городскому». Некая торговка продает отравленное печенье, придя в дом почтенной Паулины Таргоны: хозяйка умирает, квартирантка Глафира Демиденко спасена. Каков мотив у этого преступления? Так и осталось тайной. Торговка скрылась сразу... А вот два покушения на очень даже реальное убийство – две истории об извозчиках, чья профессия была опасной не менее, чем у нынешних таксистов.

1) В августе на извозчика № 224 Ивана Завьялова нападает молодой человек, взявший его у театра. Он оказался сбежавшим из-под конвоя арестантом, успел раздобыться ножом (!) - воротник шубы спас извозчика, он сбежал. Дроги его нашли на Степановке, «без чехла, подушки и фартука», потом домой возвратилась и лошадь без сбруи. Арестанта поймали позднее, он показал, что хотел избавиться от свидетеля.

2) Человек в волчьей шубе, зимой, прячет лицо за воротником, хочет доехать до Черемошинской пристани, дает рубль. Извозчики не согласны. Случайно одумывается извозчик Панфилов, везет, на месте седок достает револьвер, стреляет – снова спасает шуба, Панфилов убегает. Зачем стрелял седок? Лошадь он, покатавшись, вскоре отпустил. Поражает беспричинность, бессмысленность агрессии...

Удивительно, но мало было убийств в окаянном этом городе, и год можно было бы

считать благополучным, если бы трагедией года не стала гибель семьи Щербаковых.

Это было продуманное, зверское, откровенно корыстное убийство со всеми следами садизма, в ночь на 30-е мая в Новой деревне, в доме Чубукиной. Убиты были Иван Епифанович Щербаков, его сожительница Матрона Ивановна и их трехлетняя дочь Анисья. Щербакову было 45 лет, считался богатым, был уважаем, трудяга. Добр, тактичен. Держал лавочку, давал в долг еду и деньги без процентов. Матрона – хорошая женщина, они собирались повенчаться. Соседи их любили – плакали, умоляли полицию найти зверей. Аршаулов заявил: «Вся честь полиции теперь зависит от этого дела».

Он лично руководил расследованием. И честь не уронили. Уже 6-го июня нашли двух негодяев: «один прятался в схроне под полом», в окровавленной одежде. 23-го задержали еще двоих, у них отобрали серебряные ложки, монеты и золотые кольца, которые признаны свидетелями за принадлежащие убитому Щербакову. Вскоре журналисты увидели фотографии убийц – пугающие рожи Бурова, Коптейна и Горькова.

Весь Томск вздохнул с облегчением.

...Такова нравственно-криминальная панорама Томска в 1890 году. Нам пришлось надолго занимать ею ваше внимание – что делать, если варварство и вызванные им страхи сопровождали томичей ежедневно?

В конце года Картамышев признается в одном из последних фельетонов, что призраки и образы томской дикости не дают ему уже и спать по ночам. Вот открыли, похоже, возможность летать. Есть такой инженер Лилиенталь, у него воздушный змей с крыльями полетел против ветра! Вот и нам бы отрешиться, воспарить! Но может быть, тогда появятся и «летающие грабители?».

Быльем поросло

(Из откликов на чеховскую оценку Томска и томичей)

Всеволод Сибирский (Долгоруков)

«Посвящается сибирячке Д.Н. Г-дзе.

Пусть нет в тебе ни жгучей страсти юга,

И ни античной чудной красоты;

Но можешь быть – и верною подругой,

И матерью – гражданкой честной ты!

Хоть Родина твоя на севере угрюмом,

Хоть вой пурги, бряцание оков

Простора не дают отрадным, светлым думам

И не дарят отрадных ярких снов...

Но ты любить способна без предела

И для любви пожертвовать собой,

И пасть, порой, в борьбе за правды дело,

Ему отдавшись вся неробкою душой.

Пусть в твоей Отчизне небо серо –

И солнца луч когда-нибудь блеснет...

Я знаю, что в тебе сильна святая вера,

Что счастья час для Родины пробьет!»

(Это еще и не худший образчик поэтической одержимости добрейшего В.А. Долгорукова – В.К.)

11. Хорошие люди и хорошие поступки.

Давайте отдохнем душой. В простой, повседневной жизни, не думая ни о каких

«программах и целях», немало томичей по естеству своему совершали добрые поступки. Не случайно же сатирик томский назвал Томск городом в том числе и «Дон-Кихотов». Многие из этих хороших людей мы уже успели упомянуть (Самович, врачи, Битнер, герои наводнения, Капустина ...), но перелистаем «Сибирский вестник» еще раз.

«Легковой извозчик № 168, крестьянин Иван Леонтьевич Горячев просит нас заявить, что им найдены в его санях неизвестно кому принадлежащие деньги – 22 р. 50 к. Лицо, обранившее деньги, может, по предоставлению доказательств, получить их обратно от Горячева. Он живет в доме Плаксина на Песках».

(Растеряха пришел, получил, отдал треть Горячеву).

«Умер в 30 лет Семен Васильевич Изосимов от разрыва сердца, протоколист суда. Получая скудное жалованье, он и его никогда не приносил домой в целости, а получив его, раздавал часть по дороге разным беднякам».

«Спасибо г-же Донских, живущей на Воскресенской горе, она небогата, но заботится о двух сестрах-сиротах, её квартирантках, как о родных».

Всеволод Сибирский посвящает Ф.Е. Золотаревой стих «Работай! для святого дела...» и т.д., очень похвальный; адресат – жена фельдшера и помощник его, за 15 р. в месяц она с утра до ночи помогает переселенцам.

Учитель Курский из Нарыма помог обнищавшему г-ну Пиотровскому. Случайно встретив его в лавке и разговорившись с ним, он обещал ему работу в Нарыме и дал денег на дорогу.

«Дочь колбасного мастера Мацкевича нашла около реального училища кошелек с деньгами. Обращайтесь в колбасную лавку Мацкевича на Большой улице».

«Арестанты, православные и татары, провожая начальника исправительного отделения П.П. Дмитриева, заказали для него молебен и купили ему в подарок серебряный образ Спасителя. После литургии многие плакали на слова о. Иоанна (Беневоленского) о сердечном их начальнике».

«... Вчера погребли о. Андрея Беляева. Его провожала толпа народа, все были очень растроганы и повторяли: «Прощай, добрый сеятель!»

28 декабря. «Мельник А.Н. Пастухов, чья мельница сгорела перед Рождеством, тем не менее, выдал своим работникам жалованье по 1 января, чем вывел из безнадежности».

Быльем поросло

«А н о н с».

«Некий ишимский купец или мещанин, придя с женой на спектакль в театре Королева, услышал, как сидящие сзади говорят: «Не те играют на сцене, анонс был другой!», и увидел их протянутые вперед пальцы. Поскольку слово «анонс» показалось ему оскорбительным и обращенным к нему лично, он воскликнул: «Кто «анонс»? Это я «анонс»? Это моя жена – «анонс»?» - и попросил присутствующих быть свидетелями нанесенной ему обиды.

Конфликт был разрешен с немалыми усилиями публики.»

«Сибирский вестник», 23 декабря

12. Обыкновенные досуги томичей.

Спорно утверждать, что досуг томичей в 1890 г. отличался большим разнообразием форм и какой-то особой местной спецификой, но нельзя же и сказать, что сегодняшние томичи проводят свободное время содержательней и веселее, чем 120 лет назад.

Томичи любили ходить друг к другу «в гости» (что означало посиделки за обильным мясным и рыбным столом с выпиванием без меры водок и наливок) или «побеседовать» (то есть попить вволю чаю «с аппетитной сибирской прикусой – шаньгами, молочными кренделями, пирогами с вареньем, жирными сливками»). А вот адресов для гастрономического услаждения «чистой публики» вне дома было немного – ресторан в гостинице «Европа», «Славянский базар»

и, с оговоркой, в первой половине года, «Общество веселых друзей» (открылся еще ресторан «Ливадия», но почему-то не был популярен). Здесь непременным атрибутом досуга становились карты – страсть, перед которой были бессильны и уважаемые в городе персоны, такие как Аршаулов. Но ему на это пеняли!

В славную, ясную погоду на центральных улицах города, прежде всего, Большой, стихийно, сами собой, собирались толпы гуляющих (гулянья: январь – март, вторая половина августа – сентябрь). 18 августа: «Хорошая погода, чистое солнце, без комара и мошки. Пыль приутихла. Оживились улицы приезжим, заезжим и возвратившимся людом, и вновь запестрели улицы классическими и реальными мундирами и голубыми фуражками». 16 сентября: «На Большой улице теперь изрядное число гуляющих, веселье, смех; в сумерки – парочки, «шепот, робкое дыханье».

Зимой заливался каток, по выходным над ним, с балкона павильона для переодевания, гремел духовой оркестр. Лед скоро покрывался трещинами, но народу всех возрастов не убывало. Новинкой 1890 года была организация бегов конькобежцев на Ушайке, от Болота к Устью, и соревнований по фигурному катанию. По берегам – тысячная толпа болельщиков. Давали призы. Правда, дамы постеснялись нынче принять в этом участие.

Масленицу справляли в 1890 г. в меру шумно и изобильно, по традиции здесь заправляли кучера и извозчики, разъезжая по городу с гармониями.

А вот кулачные бои уходили в прошлое, превращаясь в редкость уже и в пригородах. Нынче дрались, кажется одни свирепые семилуженцы и, может быть, степановские.

Зимой давней и глубокой привязанностью томичей были конные бега. На ипподроме собиралось до пяти тысяч зрителей, и среди них выделялись настоящие знатоки, фанатики ристалища. «Бег 3 версты, 2 лошади. Михальский выиграл у Березницкого на пари 50 р. (фаворитом была лошадь Березницкого)». «Бег: 1) бег кровных рысаков; 2) бег рысистых и простых; 3) бег на заклад между Иваницким и Ароновым на скаковых». Бега проводились и на вольной природе. «Бег от Черных порт до перевоза. Пять лошадей, к мете пришла только лошадь крестьянина Кишкина». Другой бег был на Московском тракте. «Три лошади: Саша Аронова Белко, Бычкова Дракон, Соколова Савраско. Заклад взял Белко». Бегут Серко Грищенко, Гусар Маринина, Карнаушко Пермякова, Серко Кузьмина, Петушок Михальского – главного, похоже, лошаdnика Томска... и т.д.

Балы и маскарады проводились 1-2 раза в месяц, исключая пору летних отпусков, и обычно сопровождалась тщательной подготовкой. Вот «ситцевый» маскарад в общественном собрании (2 февраля) – многолюден, хорош, но «организаторы даже перестарались, перемудрили». Вот апрельский бал в военном собрании, «где наши томские барышни потанцевали от души, что им редко удается».

А вот к гадалкам-гастролершам Аннете и Леоноре, предсказывавшим судьбу за полтинник, народу приходило больше, чем на концерты серьезной музыки, музыкальные и литературно-музыкальные утренники или обеды. Не понимали, не ценили томичи в массе своей серьезного искусства, не влекли их Бетховен, Вебер, Шопен, Лист, Рубинштейн и Сен-Санс. И получалось, что на ином таком концерте, имеющем иногда официально-благотворительный оттенок, присутствуют одни большие губернские чиновники со свитой. Обидно!

Томское отделение Русского музыкального общества старалось на совесть и не сдавалось, покоряя все новые вершины. Но факт есть факт: едва вытянула два сольных концерта, например, приезжая вокалистка Кравцова-Красова, при том, что, ее репертуар (романсы, народные песни) не представлял эстетических загадок; понес убытки давший те же два концерта знаменитый скрипач из Петербурга Митрофан Васильев (в программе Бах, Паганини, Шопен, Баццини).

Выходит, что заведомый дилетант г. Пономарев, что выставил в зале ремесленной управы «плохую статуэтку императора Александра Второго» и брал за просмотр ее бессовестно полтинник, пользовался у томичей большим вниманием, чем виртуозы из столиц...

Летом город пустел, язвительный хроникер рассказывает, что «заведомые томские питухи жаловались, что неделями не с кем выпить». Горожане из числа сколько-нибудь состоятельных разъезжались в отпуска. Кто в Россию, в Крым или в родительские пенаты, кто-то даже за

границу; кто же попроще – ехал на дачу в пригород или на новооткрытый курорт на озеро Широ (ныне Шира).

Основным дачным поселением было Заварзино. Удобства там были анекдотические, разбалованные местные вели себя разнузданно, но чистый воздух, мелкая свежая речка и самовар были обеспечены.

Озеро Широ открыл для томичей покойный З.Г. Цибульский. Целебная вода и чудесный степной ландшафт влекли к себе многие томские семьи, и как раз в 1890 году там (и много южнее, на озере Тагарском) наконец-то обустроилось снабжение отдыхающих всем необходимым. Формула первого полноценного сезона на Широ такова: продовольствие – в избытке, две кухмистерских, рыба, баранина («баранина чудная!»). Постройки для проживания – просторны, крыши не текут. Заезжали акробаты, фокусник, квартет музыкантов, устраивались танцы и даже детский спектакль. В субботу и воскресенье приезжал священник с дьяконом и пятью певчими.

Но самой главной новинкой сезона побаловали, как ни странно, тех заведомых бедолаг, что остались на лето в Томске. Актриса и талантливый делец Татьяна Варламова сняла за городом сад «Алтай», переименовав его в «летний сад-театр «Эрмитаж». Отстроили летнюю сцену, веранды, павильоны, огородились и за рублевый билет предложили горожанам всю палитру развлекательных жанров – водевили, хор цыган, песенки, цирковые номера, фокусы, анекдоты, лотереи, в которых главным призом могли быть новомодный зонт или лошадь. «И все прилично, сносно». Венцом сезона стал июльский приезд малороссийской труппы (см. ниже).

Такое, конечно, пришлось легкомысленным томичам по душе. До прихода дождей публика «валом» ломилась в «Эрмитаж» и развлекалась здесь до поздней ночи, хотя буфет был плох и дорог.

Местный поэт «Гаврила Томский» разразился настоящим виватом:

Велик и славен город наш,
Стоять за это буду рьяно:
В нем есть московский «Эрмитаж»
И знаменитая Татьяна!

Быльем поросло

Великий путешественник.

«8 февраля в Томск прибыл сотник амурского конного полка Д.Н. Пешков, совершающий гигантское путешествие от Владивостока до Санкт-Петербурга на своем полковом коне. Он выехал 7 ноября 1889г. и делает по 40-70 верст в день. Везде его ожидал радушный прием и помощь. А в Томске его едва ли не арестовали, приняв за местного сотского Самсона Пешкова, обвиняемого в правонарушении и скрывающегося, но недоразумение прояснилось. Ему 27 лет, крепок, здоров на вид. Одет в барнаульский черненый полушубок, с погонями, на голове оленья шапка с тульей, башлык, на ногах оленьей кожи пимы. Проехал уже 4200 верст. Молодец, сотник!»

В начале лета Пешков добрался до Петербурга, немножко отдохнул – и отправился в Иерусалим!

«Сибирский вестник», 25 февраля)

13. Томские театральные иллюзии.

Вершиной же культурных устремлений (то есть увеселений) томичей был театр, самым посещаемым местом в городе шестой год был театр Королева, что находился на задворках нынешнего ТУСУРа и был сожжен в достопамятном октябре 1905 года. Томичи считались страстными театрами, но не стоит видеть за этим какое-то «афинское» их превосходство над иркутянами или красноярцами, которые были не менее страстными театрами.

«Волшебный мир театра» уносил людей из мира скучной, варварской повседневности,

однако вкусы «воспаряющей» публики были далеко не безупречными, и любой битый жизнью антрепренер обязан был с этим считаться, ибо кусок хлеба в провинции обязательно бывал соленым и зарабатывался на путях отчаянных компромиссов.

Развлеки меня, рассмеши или растрогай, сделай мне «красиво» - взывала публика, состоящая из непритязательной **«нации»** и неотесанной молодежи.

Тут изысканных вин не требовалось.

Томская публика была благодарной, носившей артистов на руках, но и дикой и взбалмошной. Галерные были хамы, свистуны. Пьяненький зритель мог свалиться с галерки в партер, случайно не задавив там приличную даму. В зале громко спорили, ссорились, и даже редактор «Сибирского вестника» Картамышев был вынужден «оскорбить действием» купца Озорнина, нанесшего ущерб редакторской одежде. Рядовое замечание рецензента, «Неизменного театрала»: «Позволю себе заметить, что подносить подарки и букеты следует или в антракте, при вызове артистов и артисток, или хоть в начале действия; но не во время хода его, вследствие чего останавливается и игра, и музыка, и нарушается иллюзия...»

Антрепренер Крылов был грамотный человек. Он угадал, что больше трех спектаклей в неделю Томск не потянет ни финансово, ни чувственно.

Он выстроил надежный репертуар с преобладанием опереток и водевилей, плюс немножко мелодрамы. «Горе от ума» и «Гамлет» давались по разу, чтоб не забыть о святом, чтоб иметь право уважать себя.

Перечислим: «Красное солнышко», «Синяя борода», «Хаджи-Мурат» (вовсе оперетка), «Гаспарон – морской разбойник», «Дочь рынка», «Бокаччо» (оперетка!), «Сердце и рука», «Чародейки», упрощенные редакции «Аскольдовой могилы», «Гальки» и «Наталки-Полтавки» (где «безбожно коверкали украинский язык»). Иногда уступки зрителям носили предельный характер. Глупая пьеса «Светлое марево» - «балаган, пошлость, натурализм», актеры не брезгают «рыганьем» и «храпением»... как бы их не стошнило».

Но характерно, что, как правило, Неизменный Театрал, ругая пьесы, заступает за актеров и при первой возможности восхищается ими. В оперетках свое мастерство, и он сознает «экономический момент».

Крылов набрал группу очень точно, так, что ее члены выстроились в здоровую, рабочую иерархию. Прежде всего, требовалось две соперничающие «дивы», сильные, красивые актрисы. Зрители, молодые и влюбчивые мужчины, в основном, разделятся на партии – и начнется гонка подарков и подношений, и будет интрига, привлекающая к себе новых зрителей и обеспечивающая постоянство испытанных театралов. Этими дивами стали Смолина и Ахматова, еще в прежние сезоны очаровавшие томичей (партии «смолинистов» и «ахматистов»).

Очень важной, ключевой фигурой был дирижер-капельмейстер (за ним оркестр и хор) – здесь не могло быть случайного человека, он зарабатывает не меньше див и знает себе цену. Здесь хорошенького личика недостаточно.

Им стал прижившийся в Томске Николай Энко, несомненный талант (впрочем, «заганивающий темпы»). Каждый спектакль начинался с любовных призывов: - «Энко! Э-Э-Энко! Эночка! Энучка! Количка! На стул!»

Актеры второго плана должны четко знать свои обязанности и не претендовать на большее, иначе зритель будет дезориентирован, сорвется сулящая доходы «битва див». Здесь могут быть крепкие профессионалы – Варламова, Стрельский, Стрельников, Ленин, сам Крылов, Лавровский и др.

Не возбраняется иметь в труппе и своего «козла отпущения» - зрители все равно кого-нибудь зачислят в таковые. Им стал артист Ильин, провалившийся, кажется, все свои скромные роли («невероятно кривляется», «пересаливает», «ужасный Скалозуб» и т.п.).

Битва див разыграна была как по нотам. Изобретательные поклонники по очереди, казалось бы, одолевали друг друга. Здесь были (или придумывались) происки, козни.

«Казус в театре. Наш славный Энко сбился – и сбился на бенефисе Ахматовой? Говорят об интригах смолинистов... А тут еще в середине спектакля неожиданно захворала (?) г-жа Варламова, и пришлось скомкать последний акт «Апаюна»... Но и это еще не все. Ахматову чуть

не зашибли занавесом, слишком рано его опустив – и если бы кто-то из публики не крикнул...»

Вот какие дары в бенефис преподносили кумирам. Энко: «серебряная вызолоченная дирижерская палочка и венок (вовсе не изящный) из искусственных цветов».

Варламова: «Изящный и довольно массивный серебряный вызолоченный жбан и деньги». Смолина: «На роскошной подушке поднесен вшитый в нее билет внутреннего займа с выигрышем, облигация восточного займа в сто рублей; изящный дорогой альбом и кольцо с бриллиантом». И цветы, цветы. Ахматова: «Оваций удостоилась не меньших, чем Смолина». Дары: «роскошная корзина из французских цветов, в нее была вложена серебряная вызолоченная копилка, в которой находился 100-рублевый билет; после того – изящный дорогой альбом, дорогие часы золотые с золотой цепью; на флаге, изящно украшенном лентами, 4% сторублевая облигация, еще деньги – в заключение в бархатной папке адрес с многочисленными подписями почитателей таланта г-жи Ахматовой». Но последнее слово осталось за «смолинистами», подарившими диве на прощание дорогую доху и что-то еще; тут «ахматисты» дали маху, исчерпав, видимо, свои ресурсы.

Тяжела была участь дивы, и велики ее аппетиты. «Нам сообщили, что будто одна из наших див, которую поклонники ее таланта в последнее время буквально осаждали, прося, как милости, кто цветок, кто бантик на память, при прощании с ними сказала, не без иронии: «...Благодарю вас, господа, за расположение ко мне, с своей стороны, обещаю, как только выиграю 200 тысяч на подаренный мне билет, выстроить в Томске большой дом для умалишенных».

Сезон закончился 11 февраля. Валовой сбор в театре Королева составил 33 000 р., чистый доход антрепренера – 4000 р. Наверное, это информация является первостепенной...

Паузы в межсезонье заполнялись разовыми спектаклями любителей из Драматического общества, в которых принимали участие и задержавшиеся в Томске актеры (которым и доставался скромный сбор). Заметим, что свободные от экономических видов любители - чиновники, педагоги, взрослые дети из «хороших» семейств, - ставя водевили (в том числе, 10 мая «Предложение» Чехова), замахивались и на драму Шпажинского «В старые годы», и даже на драмы Островского «Не в свои сани не садись» и «Лес».

Неожиданный театральный фурор ждал томичей в июле, когда в «Эрмитаже» выступила гастрольная малороссийская труппа (46 человек) Г.О. Деркача. Сила ее была в постоянстве состава, отличной сыгранности, вообще, в профессиональном отношении к делу («Порядочные люди!» - восклицает рецензент) и опоре на яркий, привлекательный и очень добротный национальный материал. Труппа дала десяток спектаклей («Назар Стодоля» Шевченко, «Невольник» и «Дай сердцу волю – заведет в недолю» Кропивницкого, «Наталку-Полтавку», «Тараса Бульбу» с дивертисментом, оперетты «Сватанье на вечерницах» и «Украинцы» - «верх совершенства».

Явление «деркачат» несло свежие эмоции, сыграло на полузабытых струнах славянских душ сибиряков. Их выступления вызывали гром рукоплесканий, может быть, чрезмерных, и бесконечное бисирование. «Родное», «душевное», «о, певучий язык», «о, музыка», «о, великий Тарас!». «Эстетическое наслаждение. Пение хором – превосходное, пляски – отличные». «Деркач (высокий и грузный, как Бульба) – грандиозная фигура». «Г-жа Поварго имеет самый выразительный и глубокий голос». «Селиванов – замечательный артист». И – забыты дивы! – «не припомним, чтобы в Томске была такая сильная трагическая актриса, как г-жа Светлина».

Резюме: «Как жалки нам показались наши зимние телячьи восторги пред пошлой французской опереттой, когда у нас есть наша славянская песня!»

(Справка: За десять спектаклей на летней сцене труппа собрала больше 4000 р. Эта цифра представляется запредельной).

И «Сибирский вестник» прощается с малороссами хвалебным панегириком, написанным на хорошем украинском языке. А множество томичей провожает их до парохода – и «хохлов» ждут Тобольск, Ташкент, Верный...

Новый зимний театральный сезон открылся 30 августа. Антрепренером теперь был Кравченко, хороший актер, но конфликтный и самоуверенный человек.

В труппе драматические артистки Киселева, Мондшейн, Варламова, Федорова, Кравченко, признанная мастерица в «каскадных» ролях Калмыкова, актеры Даверин-Кравченко (шикарный тенор), Калмыков, Лаптев, Печорин, Мондшейн и др. Дирижер – «наш старый любимец» Энко. Театр отремонтирован, обещано, что, несмотря на дороговизну, освещаться он будет астролином.

Поначалу театр полон, «дрожжит от рукоплесканий», делается вывод – «труппа г. Кравченко, несомненно, выдающаяся для Томска».

Но уже в середине сентября, на «Каширской старине» - первый тревожный звонок. «Фурор» производят Киселева и сам Кравченко, замечательно играют Калмыкова, Варламова, Лаптев... Но «театр, увы! Более чем наполовину пуст... Неужели драма имеет так мало поклонников в Томске?»

В начале октября дают «Грозу – блестящий спектакль! Великолепны Катерина – Киселева, Кабаниха – Варламова. И снова – полупустой зал. А вскоре придется отменить «Женитьбу Бальзамина»!

Вскоре уже всем, кроме Кравченко, понятно, что он совершает все хрестоматийные для провинциальной антрепризы ошибки.

Во-первых, он настаивает на четырех спектаклях в неделю. Но вспомним, что даже опереточный репертуар при Крылове вытягивал только три. Зал пустует, а это подобно потере репутации – труппа теряет настрой, зрители теряют к ней уважение.

Во-вторых, в репертуаре Кравченко резко усилена драматическая составляющая. Он ставит в основном пьесы «бытовиков» Салова, Шпажинского, Сумбатова, М. Чайковского и др. («Дармоедки», «Степной богатырь», «Под властью сердца», «Соколы и вороны», «Перекатиполье», «Елизавета Николаевна» и др. Добро бы шедевры!). Оперетты идут реже, и среди них многие памяты по предыдущему сезону... Да, а драма быстро поднадоела **«нации»**.

В-третьих, потенциальные «дивы» Федорова и Калмыкова простаивали и занимались не всегда своим делом. Партии «федоровцев» и «калмыковцев» так и не сложились. Сильные драматические актрисы Киселева и Мондшейн работали очень хорошо, но работали с «холодным» залом, они имели преданных поклонников, но их были десятки...

Вдобавок, уже отчетливо давал о себе знать кризис в золотопромышленности. Но «кулак» Кравченко гнул свое.

Только в бенефис Федоровой в начале ноября, когда играли «пустую, совершенно лишнюю соли» оперетту «Гасконец», вспомнилось начало года. Федорова удостоилась «целого ряда оваций и дождя из цветов и цветной бумаги, на которой были написаны для нее приветствия». Поднесли: «Изящный букет из батистовых цветов..., серебряный сервиз в ящичке, корзину батистовых же цветов... и, наконец, на изящной атласной подушке пакет с довольно крупным денежным подарком».

Когда же состоится бенефис самого Кравченко («Отелло», неровный спектакль, в котором он был «весьма хорош»), злые языки сообщат, что подарки Кравченко поднес сам Кравченко.

Пошли ухабы, труппу затрясло, начинаются раздоры. Нервничает, срывается сам Кравченко, он не может обеспечить обещанные заработки.

Еще 28 сентября Энко отказывается дирижировать в день спектакля. Затем он пишет в газету, что Кравченко был с ним недопустимо груб и «невозможно дерзок». Четвертая ошибка Кравченко – дирижер не пристяжной, нельзя задевать его достоинство. Их примирение будет недолгим.

Далее с Кравченко будут ссориться Калмыкова (месяц не будет выходить на сцену), Калмыков, Ленин, Орлова, Киселева.

Критическая точка – конфликт с И.Э. Киселевой. Актриса, человек умный и тактичный, тащила на себе репертуар, но, когда пришло время бенефиса, ей не дали возможности выступить в «Татьяне Репиной», пьесе Суворина. В письме в редакцию «Сибирского вестника» (17 октября) она свидетельствует о получении ею «грубого, оскорбительного» анонимного письма, в котором от нее требуют сменить выбор, потому, что в данной пьесе в комическом виде выведены евреи: банкир и торговка. Киселева не согласно ни с методами убеждения, ни с такой постановкой вопроса. Комические русские, поляки, немцы не вызывают ни у кого протеста. Что будет, если

все начнут предъявлять такого рода претензии? Вся драматургия превратится в жития святых. Разве среди евреев все идеальны? Она, «сочувствующая еврейскому вопросу», не хотела уступать из-за двух эпизодических персонажей. Но давят на Кравченко, и он снимает пьесу, в которой так прославилась Ермолова и хотела показать себя Киселева. Часть труппы в ответном письме защищает Кравченко по соображениям прагматическим. (После этого, возможно, в виде хамского мщения, публика не дарит на бенефис **ничего** прекрасной актрисе Мондшейн). Теперь уже каждое лыко в строку. В декабре, в бенефис Печорина, дают «Вторую молодость» Невежина, которая «прошла далеко не с хорошим ансамблем. В третьем акте, например, пропала вся сцена», а с ней – спектакль, «благодаря тому, что револьвер у г. Кравченко дал осечку, и он не нашелся ничего лучшего сделать, как толкнуть г-жу Мондшейн кулаком, и она, падая, изобразила, что умирает. Все вышло в высшей степени грубо и неестественно, а Печорин, изображавший Готовцева, вероятно, сконфуженный этим **инцидентом**, представил из себя балаганного героя и возгласил с невозможным пафосом, возбуждавшим смех: «Виталий! Что ты сделал!»

Отныне Кравченко критикуется прямо и беспощадно. В середине декабря из Томска в Красноярск уехали Энко, Калмыкова, Ленин и Орлова, за ними уйдут другие. Труппу спасло только то, что посреди зимы и посреди сезона деваться большинству артистов было некуда.

Агония труппы Кравченко уже за пределами нашей хроники...

Быльем поросло

Л е н и н
(год из жизни артиста).

Леонид Михайлович Ленин был артистом средней руки. Такие, как Ленин, готовы были играть все, что дадут, добросовестно и дорожили своими небольшими успехами, считая каждую заработанную копейку.

До середины февраля он занят на вторых ролях в группе Крылова. Старается, популярен. В «Гаспароне» он «приличен», в «Синей бороде» играет «оживленно». «Весьма недурен» там и здесь, удостаивается своего бенефиса – «хорош был Ленин».

По окончании сезона остается в Томске, не заработав, видно, на отпуск. В мае его зазывают любители из драматического общества – и тут он переживает свой звездный час! 10 мая ставят водевиль-шутку Чехова «Предложение», к которой он явно приложил и режиссерскую руку. Спектакль оценивают как «мастерски поставленный», в главной роли он сам – «особенно хорош был Л.М. Ленин, он вызывал взрывы хохота».

Афишу этого спектакля, чудом не оборванную мальчишками, и увидел 16 мая приехавший в Томск Чехов.

Летом он сотрудничает с практичной Варламовой в «Эрмитаже». Ленин неутомим: он и распорядитель, и завхоз, и куплетист, и рассказчик анекдотов, и... («...а вот арии из опер, г. Ленин, вам петь не надо!»). Но в августе он ссорится с хозяйкой, и характерно, что он присылает в газету «громадное» письмо, где жалуется, что Варламова его обсчитала.

На новый сезон его берут в труппу Кравченко. И он снова – куда деваться! - играет вместе с обидчицей Варламовой («Очень недурен» в «Жильце с тромбоном»).

А затем – беда. Он проваливает роль Молчалина, играет мало, а когда играет, то бывает «слабоват», плохо знает роли. Ему худо с Кравченко? Его настигла общая болезнь русских интеллигентов...?

Во время простоя он успевает, однако, напечатать в газете два слезных рассказа – о мальчике-сиротке, крадущем булку, и девочке-проститутке.

Рассказы – тоже средней руки.

«4-го ноября: говорят, уволен артист г. Ленин» («неблестящий», но ведь все умеет. «Ведь невозможно же его сравнивать с невозможным Мондшейном или Светлиным. Жаль

г. Ленина»). 29-го вернулся на один спектакль («Из лучших – г. Ленин»).

В ночь с 16 на 17 декабря Ленин, с группой коллег, уезжает из Томска в Красноярск (еще вернется...)

Готовы спорить, что когда фамилия Ленин прогремела на всю Россию, нашлись томичи, вопрошавшие: «Не наш ли это Ленин, который комик?»

14. Интеллигенция умирает, но не сдаётся.

Эта тема слишком велика, и мы ограничимся рядом замечаний.

Общественные настроения, сам тонус томских интеллигентов могут показаться весьма мрачными, если судить о них, поверхностно вынимая броские пассажи или рифмованные тирады из передовиц «Сибирского вестника» и многочисленных образцов типичной поэзии «гражданской скорби» (другой поэзии у нас в Томске в 1890 г. не было). Получится «взвейтесь да развейтесь» наоборот.

Соберем образцы в некий «паратекст».

«Спит томич в беспечной лени, погружен во тьму. Только жирные пельмени грезятся ему». «Скучно, монотонно, однообразно... до тошноты, до головной боли идет наша жизнь! Вся она наполнена мелким эгоизмом, своекорыстием, сплетнями. Ни живого слова, ни светлой мысли, на благородного порыва. Пусто! Пусто!» «Блины, попойки и скандалы и с мордобитьем зауряд... Чтоб веселиться – так, чтоб стало с овчинку небо – вот наш взгляд». «Та же ложь на миром торжествует, и правда вовсе не лжует, и ближних продаем за грош... И тщетно слышим мы с небес: Христос воскрес! Христос воскрес!» «Где, скажи мне, правда вековая? А над миром то же царство ночи, и царит властительно разврат!» «Отовсюду (?) грозно туча к нам идет; в жаркое, морозное время спит народ... Гибнут всюду братия – гибнут, что ни год: слышны лишь проклятия... Но - все спит народ». «Слякоть, холод да туманы – мгла и мгла одна... Наши вопли все разносит без отзыва степь. Лишь в ответ свой звон доносят кандалы да цепь».

«Грустно сознаться, но приходится прийти к выводу, что интеллектуальные запросы Сибири очень ограничены. На громадном холодном пространстве разбросано редкое, безучастное, косное население...»

Конечно, были томские интеллигенты, которые вовсе не «рыдали», а трудились «до жаркого пота» на ниве просвещения и добротоделания, но для нас еще важнее, что те же самые «нытики» и «брюзги» были нередко не менее деятельны в самом положительном созидательном смысле. «Плакали» – и трудились, и «слезы» здесь, может быть, были побудительнее бодрячества. Эти люди, мыслящие томичи, не только критиковали нескладницы томской и российской жизни, бичевали ее мерзости (иногда это совсем не трудно, на словах-то), но и горячо любили Томск, Сибирь, и доказывали нам, что эту жизнь есть за что любить, и есть в ней свои, природные и человеческие очарования.

Им доставался каторжный труд за копейки, на износ – а они старались быть «в просвещенье с веком наравне»; они срывались в пьянство, в безумие, одни погибали, другие, подхватывая их эстафету, поднимались и снова выполняли свою миссию. Титанов духа среди них было немного, но это были слабые сильные люди – при всех своих недостатках они не знали другого дела, кроме предназначенного. Поэтому могли хоть зарыдаться, но понемногу, но потихоньку... И распрямлялась грудь. Их дело было муравьиное.

Они ухитрились досконально изучить свой край, они писали книги...

Кстати, приведем список наиболее интересных томских книг, привлечших внимание в «чеховском» году.

1) Всеволод Сибирский (В.А. Долгоруков). Не от скуки. Стихотворения. 356 с. (Плодовит был наш дорогой поэт, сравнимый с водопадом. Стихи его трогательны, полны штампов и стертой риторики и рождены на конвейере, подобные сигаретам, прикуриваемым друг от друга без остановки...);

2) Исторические акты 17-го столетия (1633–1699). Материалы для истории Сибири.

Собрал и издал Ин. Кузнецов, помогал С. Кузнецов. Типография Михайлова и Макушина. (До сих пор – базовый источник по первоначальной истории Томска);

3) Адрианов А.В. Томск в прошлом и настоящем; с адрес-календарем и планом г. Томска. (Еще одна книжка, которую перечитывают вдоль и поперек все, кому интересна история города);

4) Аршаулов П.П. От Гельсингфорса до Константинополя. Записки о войне 1877–1878 гг. (Увлекательно, ярко и местами развязно);

5) Кошаров П.М. (Очередные выпуски по два литографических листа с пояснительным текстом). Художественно-этнографические рисунки Сибири. Типография Михайлова и Макушина, 1889–1891 гг. (см. выше);

6) Донских Н.Г. Система Мира, выведенная на основании закона о несовместимости высокой температуры с магнитными свойствами и на основании исследований об отталкивании газов атмосфер электрическими и магнитными силами Николая Гавриловича Донских. (Рецензент: «Читая эту книгу, вы ничего не поймете»). (Издано в 1889 г.)

Особую, исключительную роль выполняла в 1890 г. в томской гражданской и умственной жизни единственная независимая газета «Сибирский вестник». Наша хроника на 9/10 выросла из ее материалов, и почти все цитируемые или пересказываемые места принадлежат перу Картамышева, Полянского, Долгорукова, Корша и других ее авторов и корреспондентов, скрывавшихся под псевдонимами или оставшихся неизвестными.

Это было действительно независимое издание – плод напряженного кропотливого труда обозревателей и репортеров, у которых не было ни автомобилей, ни телефонов, ни компьютеров – ни дотаций за лояльность. До самого последнего времени у газеты и ее редакторов Корша и Картамышева, обреченного на безумие и смерть в 1894 году, была неважная репутация, созданная во время оно конкурентами-прогрессистами и поддержанная в советское время. Сейчас мы заново оцениваем демократизм и дельность «СВ».

В газете были отлично налажена связь с другими городами, корреспонденция шла отовсюду, и псевдонимные авторы (ибо это было небезопасным занятием), нередко люди яркой индивидуальности (Дедушка Фаддей, Дигамма, Педико и др.), помогали создавать многомерную движущуюся панораму сибирской жизни. Здесь печатались скверные стихи, но здесь печатались отличные очерки и рассказы из жизни сибиряков, написанные талантливыми, наблюдательными людьми – хочется собрать их в антологию: современный читатель получил бы большое удовольствие. И т. д.

Во многом благодаря «Сибирскому вестнику» Томск становился реальным центром сибирской общественной мысли, и пусть вас не смущает ее тираж в три тысячи экземпляров – немалый, по тем временам, и те, от кого зависели маршруты добра, ее читали...

Быльем поросло

На 22 октября 1890. Песня томских студентов	
Друзья! Наливайте бокалы -	Проснись же ты, край заточенья,
И с ними подыдем мы руки,	Открой онемевшие веки!
И тост возгласим мы удалый	Настала пора пробужденья.
За вспыхнувший светоч науки!	Сияй же ты, солнце вовеки!
Весь запад в полдневном сиянье	
Кипел оживлением чудным,	
А Дальний Восток наш в молчании	
Все спал еще сном непробудным.	

15. А что же университет?

Поначалу создается твердое убеждение, что малочисленный еще Университет (ему два года) существует на городском отшибе, в сторонке, в чем-то он еще «не здесь». И его до поры «не замечают» - странно читать о том, что «фасад у него невидный, а коридоры узки» нам, видевшим этот фасад во сне в иных городах и дальних странах.

Ректор – В.Н. Великий, но распоряжается всем, до мелочей, В.М. Флоринский.

Профессора читают публичные лекции. Кащенко - «О жизни и смерти в царстве животных». Залесский - «О гигиеническом значении воздуха». Коржинский - «О природе степей Южной Сибири». Тут и Флоринский - «Общий взгляд на природу и ее силы». Но народу на эти лекции ходит мало.

День святой Татьяны проходит камерно, бедным студентам собирают 14 рублей.

Работает Общество естествоиспытателей и врачей. Доклады: Кащенко - «О процессе созревания яйца у акулы»; Малиев - «Редкая форма неправильного происхождения ветвей дуги аорты»; Кузнецов - «Отчет об археологических изысканиях, произведенных летом 1889 г. в окрестностях Томска».

Выходит первый том «Известий» Университета. Медицина, биология, археология. Среди статей - «Заметка о происхождении слова «Сибирь» Флоринского.

Между тем, стипендиальный капитал университета вырастает до 150 000 рублей. Планируется учредить в Новом году кафедру агрономии, а Кащенко планирует устроить в Томске зоосад (не сбудется). Общежитие (нынешний БИН) стало совсем уютным. Здесь живет 108 студентов, есть библиотека, дешевый стол. «Европейян» среди студентов 64 %, сибиряков - 36%. Преобладают поповичи, семинаристы. С третьего сентября на лекциях появляются редкие природные томичи-студенты – Ефратов и Хиль.

В целом, события, происходящие в Императорском Томском университете, остаются его внутренним делом. Хотя на месте его первые звезды, и в 1890 г. приезжают новые – Догель, Капустин... и Дмитрий Никонорович Беликов, профессор теологии, будущий томский архиепископ и замечательный историк.

В стихах на злобу дня про университет хронически забывают, и студенты его еще не стали героями анекдотов. Но хорошо, что общественность не обращает внимания на деятельность науколюбивого прозектора С. Чугунова, который сначала затевает смешную бучу с несуществующей мумией, а потом, в благородных целях антропологии, разрывает под Сургутом свежие могилы остяков.

Но чу! Летом складывается знаменитая фраза: «И это университетский город!» Значит, Томск уже ждет от университета многого, задает себе в связи с ним некое серьезное повышение авторитета, статуса.

22 октября отмечают годовщину основания университета, и происходит необычное – этот праздник объявляется «выдающимся событием недели!»

Что, народу пришло побольше и погуще? Но не больше же, чем в июле 1888? Не в этом, видимо, дело. Университет начинает прирастать к городу, и просто миновалась какая-то невидимая черта, рубеж; это должно было рано или поздно случиться – и, пожалуй, случилось...

Пока его великое будущее – в планах и мечтах, и самые химерические из них сбудутся.

Когда-нибудь однажды в его стенах вырастут и умные, вдумчивые люди, которые объяснят нам, зачем Чехов отправился в 1890 г. на остров Сахалин, почему не одобрил наш город и, будучи прекрасным врачом, не заинтересовался новым университетом...

А мы – нет, мы не должны обижаться. Мы знаем, что невстречи случаются много чаще и встреч, и разлук.

«А было то, что было, а будет то, что будет».